

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний: (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1901. Т. 3. № 11. С. 470–520 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. 1)

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсениемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

30-е Іюня. Пятница. Поѣздка въ Горнюю. У стѣны плача. Ночь въ храмѣ Воскресенія.

Встали мы сегодня довольно рано, чтобы ѣхать въ Горнюю, гдѣ появился на свѣтъ Величайшій изъ рожденныхъ женами, Креститель Христовъ Іоаннъ, и гдѣ гостила въ домѣ праведной Елизаветы Божія Матерь, носившая во утробѣ своей Сына.

Въ Горнюю мы спѣшили, чтобы въ русскомъ храмѣ во имя Казанской Божіей Матери выслушать божественную литургію и молебенъ, который намѣренъ былъ служить Преосвященный. Горняя недалеко отъ Іерусалима, на разстояніи менѣе часу ѣзды по хорошей шоссеиной дорогѣ.

Послѣдняя бѣжитъ среди зеленѣющей долины, среди садовъ съ апельсинными, лимонными, гранатовыми и абрикосовыми деревьями и среди огородовъ, наполненныхъ арбузами, помидорами, баміями, огурцами, чеснокомъ, лукомъ, баклажанами и тому подобными созрѣвающими плодами. Къ самой дорогѣ жмутся неприхотливые кактусы и посѣдѣвшія отъ пыли маслины, обильно увѣшанныя плодами, составляющими любимое ѣдушанье мѣстнаго населенія. Долина перерѣзывается горами, поднимающимися террасами. На одной изъ такихъ террасъ и раскинулось небольшое селеніе, опоясанное зе-

1) Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ, Октябрь стр. 331—378.

леньмъ кольцомъ садовъ и виноградниковъ, Аѳинъ-Каримъ, по преданію, евангельская Горняя, мѣсто родины Іоанна Крестителя и свиданія Пресв. Дѣвы Маріи съ Елизаветою. Правда, среди ученыхъ существуютъ разногласія о такомъ важномъ историческомъ значеніи этого мѣста и соединенныхъ съ нимъ священныхъ воспоминаній. Говорятъ, что упомянутыя евангельскія событія происходили не здѣсь, а въ городѣ Іуттѣ, на югѣ отъ Хеврона. Этого мнѣнія, между прочимъ, очень настойчиво придерживается и извѣстный Востоковѣдъ преосв. Порфирій Успенскій ¹⁾. Но такъ какъ са-

¹⁾ Преосв. Порфирій въ доказательство своего мнѣнія приводитъ слѣдующія соображенія: 1. Захарія, какъ священникъ, по Закону Моисееву, долженъ былъ жить и жить въ одномъ изъ городовъ левитскихъ. А въ списокъ сихъ городовъ не находится города Іуды. 2. Въ Евангелии св. Луки читаемъ: *оставши Маріамъ во дни тѣхъ, иде въ Горняя со тщаніемъ, во градъ Іудовъ; и увиде въ домъ Захаріимъ*, и проч. (Лук. 1, 39—40). Изъ сихъ словъ видно, что Горняя не есть самый городъ Іуды, а географическая мѣстность, гдѣ находится сей городъ. Что же такое Горняя? Гдѣ эта мѣстность? И существовалъ ли левитскій городъ Іуда въ горней мѣстности?—а) Славянское слово „въ Горняя“, соответствующее греческому: *εις τὴν ὄρεινῶν*, означаетъ не городъ, а цѣлую горную мѣстность, страну, землю, и въ связи съ другими словами надобно понимать, что Маріамъ пошла въ горную страну, туда, гдѣ находился тотъ городъ, въ которомъ жилъ Захарія. б) Изъ 15-й гл. книги I. Навина, въ которой подробно описанъ участокъ земли, данный во владѣніе племени Іудиню, видно, что вся область сего племени раздѣлялась на три части: на пустынную, напольную и горную. Горная была въ нагорной выси стѣ предѣловъ Идумей, съ юга въ прямой линіи до Іерусалима на сѣверъ. Въ сію-то горную часть Іудей пошла изъ Назарета Препеорочная Дѣва. в) Въ сей нагорной части нѣкоторые города отданы были левитскому племени для жительства; въ числѣ ихъ считается городъ *Иетта* по славянскому переводу, Іутта по еврейскому подлиннику. Въ семь-то городъ и жилъ священникъ Захарія. Ибо въ Евангелии Луки ясно сказано, что Маріамъ пошла *εις τὴν πόλιν Ἰουδα*. Здѣсь вмѣсто Греческой буквы *τ* поставлена *δ*. Если бы евангелистъ разумѣлъ подъ словомъ *Іуда* патріарха Іуду, то онъ поставилъ бы членъ и написалъ бы: *εις τὴν πόλιν τοῦ Ἰουδα*. Итакъ, очевидно, надобно понимать слова евангелиста слѣдующимъ образомъ: Маріамъ иде въ городъ Іуду—Іутту. Посему и въ славянскомъ переводѣ надобно разумѣть слова *городъ Іудовъ* не такъ, что этотъ городъ былъ городъ Іудовъ. г) Въ 15 й главѣ книги Іисуса Навина хотя и упоминается *Каримъ* въ числѣ горныхъ городовъ Іудей, но онъ не былъ священническимъ городомъ. Посему въ эн-Каремѣ неудобно искать жилища Захаріи. д) Повныѣ сохранился городъ *Іутта—Іуда*. Онъ находится за Хеврономъ, и въ немъ есть развалины древняго храма. По-

мымъ вѣрнымъ хранителемъ памяти о священныхъ мѣстахъ въ Святой Землѣ являются мѣстные преданія, часто подтверждаемыя новѣйшими изслѣдованіями, то есть основаніе предполагать, что мѣстомъ рожденія Крестителя былъ теперешній Айнъ-Каримъ, который преданіе называетъ евангельскимъ именемъ. Въ самое послѣднее время, впрочемъ, это предположеніе находитъ для себя и научную почву. Знатокъ Іерусалимскихъ древностей, археологъ Шикъ, относящійся вообще скептически ко всякимъ преданіямъ, послѣ обстоятельнаго изслѣдованія мѣстоположенія и памятниковъ Айнъ-Карима, пришелъ къ тому убѣжденію, что это мѣсто и было дѣйствительно родиною Крестителя. „Ни Хевронъ, говоритъ онъ ¹⁾, ни Ютта не могли быть мѣстомъ жительства родителей Іоанна Крестителя; обиталище ихъ слѣдуетъ искать въ сердцѣ Іудеи, вблизи Іерусалима“. Такимъ мѣстомъ онъ и считаетъ Айнъ-Каримъ, преданіе о евангельскомъ значеніи котораго, по его мнѣнію, гораздо древнѣе времени крестоносцевъ и относится ко временамъ древней церкви. Вообще, „и названіе, и исторія, и преданіе, и самое мѣстоположеніе, говоритъ онъ, неоспоримо свидѣтельствуютъ, что родиною Претечи былъ Айнъ-Каримъ“.

Спустившись съ горы, мы остановились у колодезя Божіей Матери. Тутъ царило большое оживленіе: множество арабовъ съ кувшинами на плечахъ, то идущихъ къ источнику, то возвращающихся отъ него, толпа мальчишекъ, обступившихъ насъ съ возгласами: „бакшишъ, бакшишъ“, остановившіеся тутъ караваны верблюдовъ и ословъ,—все это представляло пеструю, оживленную картину, весьма любопытную и интересную. Но вотъ издали донесся гармоническій трезвонъ колоколовъ. Это привѣтъ Преосвященному, раздающійся съ колокольни женской общины, находящейся на склонѣ противоположной горы. Поднимаемся по ней, и глазамъ нашимъ представляется умилительное зрѣлище: множество сестеръ-инокинь вышло изъ монастыря во срѣтеніе Преосвящен-

мнѣнію Преосв. Порфирія, эн-Каремскій монастырь есть ни болѣе ни менѣе, какъ простая обитель во имя Іоанна Претечи, замѣчательная красивымъ мѣстоположеніемъ и убранствомъ храма. (Книга Бытія, ч. 2, 292—294).

¹⁾ О Горней, ст. Шика. Сообщ. Имп. Прав. Пал. Общ. 99 г. Сент. Окт. 586 стр. и слѣд.

ному съ пѣніемъ тропаря Казанской Божіей Матери: „Заступнице усердная“... При пѣніи этого тропаря Преосвященный вошелъ въ храмъ, гдѣ, послѣ обычной встрѣчи, сказана была имъ рѣчь „о заступничествѣ Божіей Матери“. вмѣстѣ съ тѣмъ Преосвященный, имѣя въ виду недавнія неурядицы, происходившія въ этой общинѣ, увѣщевалъ обитательницъ ея жить въ мирѣ и повиновеніи властямъ. Затѣмъ началась литургія, которую совершалъ іеромонахъ миссіи при пѣніи хора сестеръ. За литургією, кромѣ насъ, присутствовали сестры, многіе изъ мѣстныхъ жителей, и даже пришедшіе изъ Іерусалима, совершенно наполнившіе небольшой, но уютный храмъ. По окончаніи литургіи Преосвященный, въ сослуженіи сопутствовавшего ему духовенства, торжественно совершилъ молебствіе Божіей Матери, во время котораго читалось евангеліе, напоминающее о событіи, совершившемся въ данной мѣстности. Послѣ молебна о Начальникъ миссіи пригласилъ насъ въ страннопріимный домъ, гдѣ старицы угостили насъ чаемъ и постною трапезою.

Отблагодаривъ старицъ за радушный пріемъ и пожелавъ процвѣтанія возникающей ихъ обители, мы отправились въ сосѣднюю католическую церковь, устроенную, по преданію, на мѣстѣ рождества Предтечи Господа, Іоанна Крестителя. Эта церковь, принадлежащая францисканскому монастырю, построена первоначально въ 1621-мъ году. Церковь—большая, трехпрестольная, но очень мало сохранила остатковъ старины; она возобновлена въ новѣйшемъ стилѣ, расписана прекрасною живописью; въ одномъ изъ придѣловъ находится та пещера, въ которой, по преданію, родился Креститель Христовъ. Въ нее ведутъ 8-мъ мраморныхъ ступеней. Внутри нея также все украшено мраморомъ и дорогими тканями. Самое мѣсто рожденія Предтечи, какъ и въ Вивлѣемѣ, обозначено звѣздою съ надписью: „Nis praecursor Domini natus est“. Отсюда же невдалекѣ видны и развалины четырехугольнаго зданія, по преданію—храма, бывшаго на мѣстѣ свиданія Пресв. Дѣвы съ праведною Елизаветою. И это мѣсто также принадлежитъ католикамъ, которые свили себѣ здѣсь прочное гнѣздо, чуть-ли не современъ крестоносцевъ, для пропаганды католичества.

Въ 70-хъ годахъ истекающаго столѣтія на это было обращено вниманіе зорко слѣдившаго за всѣмъ незабвеннаго

архим. Антонина. Онъ рѣшилъ здѣсь основать женскую обитель, которая служила бы противовѣсомъ католической пропагандѣ. Частію самимъ о. Архимандритомъ, частію-же другими русскими, пожелавшими провести остатки дней въ Палестинѣ, не смотря на сильное противодѣйствіе католиковъ, были приобрѣтены постепенно участки земли, недалеко отъ католическаго владѣнія и, такимъ образомъ, образовались обширныя русскія владѣнія въ Горней, съ садами и виноградниками, почти кругомъ опоясавшія католическія владѣнія. На приобрѣтенныхъ участкахъ о. Архимандритъ позволилъ строить дома и селиться женщинамъ, желающимъ жить и подвизаться въ Палестинѣ, не стѣняя ихъ какими-нибудь особыми формальностями. Такимъ образомъ въ Горней возникъ цѣлый русскій поселокъ, насчитывающій нѣсколько десятковъ домовъ. Самъ же о. Антонинъ выстроилъ здѣсь прекрасный двухъэтажный страннопримный домъ, а затѣмъ и церковь во имя „Казанской Божіей Матери“. Жившія же въ Горней женщины, не давая никакихъ монашескихъ обѣтовъ, по его инициативѣ, организовали полу-монашескую общину, принявшую нѣкоторыя правила иноческой жизни и поставившую себя въ подчиненіе русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Последнее обстоятельство, по смерти архимандрита Антонина, едва не послужило поводомъ къ уничтоженію новой монашеской общины, въ виду возникшаго между миссіей, консульствомъ и общиной конфликта, ко вреду русскаго дѣла въ Палестинѣ.... Теперь, кажется, при нынѣшнемъ миролюбивомъ и тактичномъ Начальникѣ миссіи, конфликтъ устраненъ. И дай Богъ, чтобы личные счеты и „вопросъ о привилегіяхъ“ стояли тутъ на второмъ планѣ....

Осмотрѣвъ все достойное вниманія въ Горней и насладившись прекраснымъ мѣстоположеніемъ ея и восхитительными видами, открывающимися изъ нея на окрестности, мы, провожаемые сестрами обители, при красномъ звонѣ колоколовъ въ честь Преосвященнаго, отправились обратно тѣмъ же путемъ въ Іерусалимъ, гдѣ намъ оставалось пробыть еще два дня, такъ какъ на понедѣльникъ былъ назначенъ отъѣздъ въ Назаретъ.

Сегодня пятница—день плача евреевъ у древней стѣны Іерусалима. Нужно было воспользоваться случаемъ увидѣть это необычайное и единственное въ своемъ родѣ явленіе.

Поэтому послѣ вечерняго чаю мы и отправились in corpore въ сопровожденіи нашихъ руководителей къ „стѣнѣ плача“ черезъ весь городъ.

Іерусалимъ, съ которымъ все изъ насъ болѣе или менѣе уже познакомились, ежедневно отправляясь сюда или за покупками, или для наблюденія за жизнью и нравами, по внѣшнему виду является чрезвычайно оригинальнымъ городомъ. Если Палестина вообще является страной камня, то Іерусалимъ, по справедливости, можно назвать каменнымъ городомъ. Заключенное въ массивныя каменные стѣны, съ зубчатыми башнями по угламъ, небольшое пространство города ¹⁾ сплошь наполнено камнемъ: здѣсь каменные дома и каменные мостовыя; ни зелени, ни деревца не видно на узкихъ, кривыхъ и неровныхъ улицахъ города. Каменные дома жмутся другъ къ другу или тянутся вверхъ, выступая одинъ надъ другимъ и загораживая свѣтъ Божій. Присутствія здѣсь величайшихъ христіанскихъ святынь почти не видно издали. Господствующая, магометанская религія гордо поднимаетъ здѣсь свою голову. Въ то время, какъ куполь храма Гроба Господня совершенно теряется среди окружающихъ его пристроекъ, мечеть Омара величественно подняла свою главу и ея грандіозный куполь дѣйствительно виденъ со всехъ сторонъ въ Іерусалимѣ, и даже изъ ближайшихъ окрестностей его,—днемъ, когда золотой лучъ солнца играетъ на рогахъ высящагося надъ куполомъ полумѣсяца, и вечеромъ, когда серебрить его лунный свѣтъ. Не слышно въ Іерусалимѣ и звона христіанскихъ колоколовъ, тогда какъ завыванія муэдзиновъ, призывающихъ правовѣрныхъ съ высоты своихъ минаретовъ къ молитвѣ, далеко разносятся по городу. Одно во внѣшней фізіономіи Іерусалима даетъ знать, что мы имѣемъ дѣло съ необыкновеннымъ турецкимъ городомъ,—это чрезвычайное разнообразіе состава его населенія. „Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, справедливо говорить знатокъ Палестины В. Н. Хитрово, (Сообщ. Имл. Прав. Пал. Общества, октябрь, 98 г. Письма о Св. Землѣ) не найдемъ мы такого уголка, какъ Іерусалимъ, гдѣ, какъ-бы въ большомъ караванъ-сараѣ, сталкивались не только простые представители всего міра, но и фанатическіе представители

¹⁾ Весь городъ кругомъ можно обойти въ одинъ часъ.

всѣхъ убѣжденій и вѣрованій“. Лица всѣхъ національностей, и не національностей только, а всѣхъ расъ и цвѣтовъ встрѣчаются на каждомъ шагу на улицахъ Иерусалима. Азія

Феллахъ. Изъ Иерусалимскихъ типовъ.

и Европа, Африка и Америка имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Представители всевозможныхъ національностей прочно осѣли въ Иерусалимѣ, который іеговисты—евреи, мусульмане—турки, христіане-арабы считаютъ своимъ городомъ,—на что въ послѣднее, особенно, время высказываютъ притязаніе и другіе европейскіе народы, пріобрѣтающіе тамъ землю и строящіе дома. Такая разнокалиберность населенія влияетъ на внѣшнюю фізіономію города. Часто здѣсь рядомъ съ восточнымъ домомъ феллаха высятся палаты какого нибудь англиканскаго пріюта для дѣтей; а рядомъ съ подваломъ бѣднаго еврея—дворецъ франци-

сканскихъ монаховъ, и т. п. Въ то же время коренные обитатели Іерусалима подѣлили его на участки или кварталы, изъ которыхъ каждый имѣеть болѣе или менѣе своеобразную фізіономію. Такихъ обширныхъ кварталовъ здѣсь насчитывается пять: православный, католическій, армянскій, магометанскій и еврейскій. Собственно весь городъ, являющійся почти правильнымъ четырехугольникомъ, прямою улицю отъ Дамасскихъ до Сіонскихъ воротъ, идущею съ сѣвера на югъ, дѣлится на двѣ половины: западную и восточную, или—христіанскую и мусульманско-еврейскую. Въ сѣверной части восточной половины, между Дамасскими и Яффскими воротами, близъ храма Гроба Господня, сгруппировались православные и католики; въ южной части, между Яффскими воротами и Сіонскими, по преимуществу, армяне. Восточная половина Іерусалима также раздѣляется по населенію на двѣ части: южную часть ея отъ Сіонскихъ воротъ до юго-восточнаго края площади горы Моріа заселили евреи, въ сѣверной же части этой половины, вблизи Кубеть-эсъ-Сахра, по преимуществу, живутъ магометане. Каждый изъ этихъ кварталовъ имѣеть свою фізіономію. Въ срединѣ между этими четырьмя кварталами помѣстился центральный базаръ, объединяющій всѣ національности и вѣроисповѣданія.

Дойдя до Яффскихъ воротъ, мы свернули направо и мимо „Замка Давида“ вошли въ еврейскій кварталъ, грязнѣе и бѣднѣе котораго трудно себѣ представить какое-нибудь человѣческое поселеніе въ другомъ городѣ. Это объясняется, вѣроятно, кромѣ вообще свойственной евреямъ нечистоплотности, и чрезвычайно скученностью здѣсь населенія. Еще недавно число евреевъ въ Іерусалимѣ было очень не велико, теперь же оно разрослось до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и годъ отъ году все увеличивается. Сюда ѣдутъ и еврей-сіонисты, мечтающіе о возрожденіи царства Израильскаго на развалинахъ Іерусалима, и просто евреи, вѣрные завѣтамъ предковъ и желающіе сложить свои кости въ Іосафатовой долинѣ, гдѣ, по ихъ вѣрованію, произойдетъ страшный Судъ. Итти приходилось чрезвычайно узкими и кривыми улицами или переулками, иногда довольно долго, мимо громадныхъ каменныхъ стѣнъ какихъ нибудь домовъ. Сворачивая постоянно то направо, то направо, въ концѣ концовъ мы попали въ какой то тупикъ, биткомъ

набитый народомъ. Это и есть знаменитая стѣна плача. Она является западною частью стѣны двора мечети Омара—Кубетъ-эсъ-Сахра, въ которой (стѣнѣ), по преданію, сохранились камни Соломонова храма. Трудно, конечно, сказать, дѣйствительно-ли эти камни принадлежать храму Соломонову, но, по свидѣтельству археологовъ, они очень древни; да и внѣшній видъ этихъ невѣроятно-громадныхъ, поросшихъ мохомъ и извѣденныхъ временемъ камней, говоритъ объ ихъ очень почтенной древности. У этой то стѣны и совершаютъ евреи свой обрядъ плача по погибшему величію Израиля. Каждый день у стѣны храма можно встрѣтить около десятка плачущихъ евреевъ. Съ открытою книгою въ рукахъ они стоятъ, обыкновенно, лицомъ къ стѣнѣ, мѣрно качая головою и причитывая монотонно-заунывнымъ голосомъ или бормоча что-то себѣ подъ носъ. У одного изъ нихъ въ рукахъ кружка, съ которою онъ время отъ времени обходитъ приходящихъ посмотрѣть на это зрѣлище, зорко наблюдая за новоприбывающими. Сегодня, какъ и всегда по пятницамъ, плачь евреевъ у стѣны принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Евреевъ у стѣны сегодня собралась не одна сотня; здѣсь есть мужчины, женщины и дѣти даже; всѣ они обратились къ стѣнѣ, мѣрно качаются взадъ и впередъ головою и причитываютъ. Собственно пѣсни плача теперь читаетъ одинъ, завѣдующій молитвою, раввинъ, уткнувшійся головою въ стѣну, а остальная толпа только повторяетъ „мы сидимъ здѣсь и плачемъ“, въ отвѣтъ на слова раввина, воспоминающаго былое. А раввинъ воспоминаетъ о дворцѣ и храмѣ, которые разрушены, о скрытыхъ стѣнахъ, о прошедшемъ величіи, о погибшихъ великихъ людяхъ ¹⁾. По

¹⁾ Вотъ текстъ „плача“ по передачѣ его у о. Анисимова „Путевыя Записки, ст. 445.

Предстоятель говоритъ:

„Ради чертоговъ, которые разрушены,

„Ради храма, который разоренъ,

„Ради стѣны, которая разбита,

„Ради величія нашего погибшаго,

„Ради великихъ мужей, павшихъ здѣсь,

„Ради драгоценныхъ предметовъ нашихъ, сожженныхъ здѣсь,

„Ради священниковъ нашихъ, согрѣшившихъ здѣсь,

„Ради царей нашихъ, пренебрегшихъ это святилище...

Толпа за каждой строчкой причитаетъ: „мы сидимъ здѣсь и плачемъ.“

Стѣна плача.

временамъ его причитанія прерываются всхлипываніями, преимущественно, женщинъ, закутавшихся съ головы до ногъ въ бѣлыя чадры. Свѣжему, впечатлительному, чело-вѣку тяжело простоять здѣсь долго при этихъ завываніяхъ....

Пятичное моленіе окончилось общимъ пѣніемъ, не особенно стройнымъ, но за то воодушевленнымъ, неволью захватывающимъ вниманіе и заставляющимъ задумываться о необыкновенной судьбѣ этого народа, разсѣяннаго, гонимаго, но сохраняющаго свою самобытность и надежду на лучшее будущее....

Насмотрѣвшись вдоволь на оригинальное зрѣлище плача, мы тѣми-же улицами возвратились на русскія постройки черезъ Яффскія ворота, у которыхъ, какъ всегда, чрезвычайное оживленіе. Не смотря на усиленные зазыванія лавочниковъ, мы тутъ не останавливались, а торопились къ себѣ домой, чтобы отдохнуть, такъ какъ ночь на субботу предполагали провести въ храмѣ Гроба Господня, гдѣ Преосвященный вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ получилъ отъ Патріарха разрѣшеніе совершать богослуженіе.

Іюля 1-го. Суббота. Служба въ храмѣ Воскресенія. На Сіонѣ. Въ обители Св. Саввы.

Подобно перво-христіанамъ, сегодняшній день мы начали съ вечера, отправившись послѣ 8 часовъ въ храмъ Гроба Господня, который, вкорѣ послѣ нашего прихода, турецкая стража заперла на замокъ. Провести ночь въ храмѣ Гроба Господня—значить выслушать богослуженіе, которое здѣсь, по примѣру перво-христіанской церкви, совершается всегда по ночамъ. И многіе изъ насъ уже не одну ночь провели въ храмѣ Гроба Господня, присутствуя за богослуженіемъ. Сегодня-же въ храмѣ Гроба Господня мы собрались все вмѣстѣ, такъ какъ Преосвященный намѣренъ былъ совершить богослуженіе, за которымъ, по существующему благочестивому обычаю паломниковъ, мы приготовились причаститься Св. Христовыхъ Тайнъ.

Едва-лишь мы вошли въ храмъ, какъ поджидавшая насъ турецкая стража закрыла его двери и храмъ сразу погру-

зился въ полумракѣ, сообщившій ему какое то особенно-таинственное величіе. Трепетныя тѣни мерцавшихъ лампадъ побѣжали во все стороны по обширному храму. Здѣсь уже было много народу. Слухъ о томъ, что въ храмъ Гроба Господня будетъ совершать богослуженіе русскій Архіерей—явленіе крайне рѣдкое здѣсь—быстро разнесся по Іерусалиму и его окрестностямъ, а потому въ храмъ сегодня собрались не только все русскіе паломники, проживающіе въ Іерусалимѣ, но многіе и изъ мѣстныхъ жителей и изъ ближайшихъ окрестностей Іерусалима.

По заведенному издавна порядку, православное богослуженіе въ храмъ Гроба Господня начинается обыкновенно-всенощнымъ бдѣніемъ, которое совершается послѣ 9 часовъ на Голгоѣ; литургія-же начинается ровно въ 12 часовъ. ночи на Гробъ Господнемъ. Такъ было и сегодня. Около 9 часовъ изъ пріемной настоятеля Свято-гробскаго Братства, о. Евѣимія, мы поднялись на Голгову. О. Анастасій и о. архидіаконъ облачились въ священныя одежды, нѣсколько отличающіяся покроємъ отъ нашихъ, и у престола, поставленнаго надъ Голговскою скалою, съ благословенія Владыки, начали богослуженіе. Народъ стоялъ здѣсь-же рядомъ съ священнодѣйствующими, тѣснымъ кольцомъ окружая ихъ. Съ правой стороны на архіерейскомъ мѣстѣ сталъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ храмъ митрополитовъ. Составилось два хора: одинъ изъ студентовъ вмѣстѣ съ профессорами, Преосвященнымъ и пѣвчими миссіи, другой-греческій. Народъ, преимущественно женщины, стоявшій тѣсною толпою за нами, сначала подтягивалъ нашему хору въ полъ-голоса, затѣмъ запѣлъ громко, — образовался, такимъ образомъ, большой хоръ, могучее пѣніе котораго далеко разносилось подъ сводами громаднаго храма и казалось очень стройнымъ, особенно по сравненію съ монотонно-заунывнымъ греческимъ пѣніемъ. Шестопсалміе и канонъ читалъ самъ Преосвященный. Величіе обстановки, торжественность богослуженія, стройное, воодушевленное пѣніе производили сильное, потрясающее впечатлѣніе на присутствующихъ. Среди гробовой тишины храма по временамъ раздавались рыданія молящихся, особенно во время чтенія о страданіяхъ Спасителя, духъ Котораго незримо виталъ надъ этимъ мѣстомъ.

Изображеніе Висящаго на Крестѣ во весь ростъ стояло предъ нашими глазами, съ глубоко скорбными изображеніями Богоматери, съ одной стороны, и — Іоанна Богослова, съ другой, залитыми, словно солнцемъ, свѣтомъ многочисленныхъ лампадъ.

Чисто греческихъ особенностей богослуженіе, совершавшееся русскими священно-служителями, не имѣло; то же, что отличало его отъ обыкновеннаго служенія, обуславливалось мѣстомъ богослуженія. Такъ, напримѣръ, народъ, даже женщины, все время стоялъ около самаго престола; евангеліе читалось не обычное, а повѣствующее о распятіи Христа на Голгоѣѣ; Канонъ былъ Великой Субботы: „Волною морскою“... По окончаніи всенощнаго бдѣнія, Преосвященный читалъ акаѣисть страстямъ Господнимъ, затѣмъ правило къ причастію. Въ то же время мы исповѣдывались у о. архимандрита Александра, Начальника миссіи, у голгоѣскаго престола. Паломники, присутствовавшіе за всенощнымъ бдѣніемъ, по окончаніи его, разошлись до начала литургіи по разнымъ закоулкамъ храма на отдыхъ. Одни изъ нихъ сѣли или легли прямо на полъ, другіе—на принесенныя съ собою подушки и подстилки. Подобный способъ отдыха при большомъ скопленіи паломниковъ, по наблюденію еще доктора Елисѣева, подтверждаемому и новѣйшими путешественниками, ведетъ къ беспорядкамъ, оскорбляющимъ святость и величіе мѣста. Мы переждали краткій промежутокъ до начала литургіи въ пріемной у о. Евѣмія.

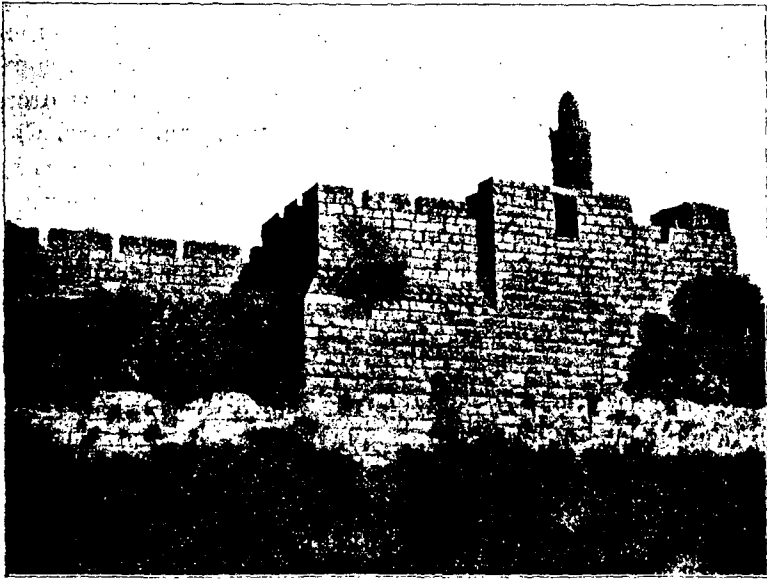
Ровно въ полночь раздался рѣзкій звонъ колоколовъ на греческой колокольнѣ, помѣщающейся тутъ же, въ храмѣ. Въ храмѣ началось оживленіе. Поднялись на ноги русскіе паломники. Откуда-то появились католическіе, армянскіе, абиссинскіе, коптскіе монахи, собирающіеся совершать свое богослуженіе. Гдѣ-то звучно загудѣлъ органъ. Заклубился кадильный дымъ. Кувуклій освѣтился сотнею огней. Преосвященный вмѣстѣ съ прочимъ русскимъ духовенствомъ отправился въ алтарь храма Воскресенія, гдѣ совершенно было облаченіе священно-служителей, во время котораго проф. Н. Ѳ. Каптеревъ прочиталъ часы. Изъ алтаря храма Воскресенія Преосвященный въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, въ сопровожденіи о. архимандрита Александра, пяти священниковъ, протодіакона и нѣсколькихъ діако-

новъ, несшихъ евангеліе и священные сосуды въ рукахъ. въ предшествіи свѣтильниковъ, отправился въ Кувуклію. гдѣ на Гробъ Господнемъ ¹⁾ была имъ совершена божественная литургія по славянски. Пѣніе было исключительно русское: пѣли мы при участіи пѣвчихъ миссіи. Это русское богослуженіе при Гробъ Господнемъ, совершенное русскимъ архіереемъ, въ сослуженіи русскихъ священнослужителей, несомнѣнно, весьма знаменательно и отрадно въ смыслѣ переменъ отношеній грековъ къ русскимъ. Мы уже упоминали, какъ, лѣтъ десять—пятнадцать тому назадъ, бывшій патріархъ Никодимъ, произносившій во время богослуженія нѣкоторые возгласы по-русски, возбудилъ противъ себя бурю негодованія со стороны грековъ, обвинявшихъ его въ нарушеніи древнихъ священныхъ традицій и подозрѣвавшихъ, что онъ подкупленъ русскими (см. Сообщ. Имп. Пр. Пал. Общества). Теперь-же вошло въ обычай произносить нѣкоторые возгласы и читать евангеліе и апостоль по гречески, арабски и русски; но разрѣшать служить въ храмѣ Воскресенія однимъ русскимъ священникамъ, греки до сихъ поръ избѣгали. Сегодня-же совершалось у Гроба Господня чисто-русское богослуженіе. Не удивительно поэтому, что многіе изъ паломниковъ, долго живущихъ въ Иерусалимѣ и слушавшихъ обычно мало понятное для нихъ богослуженіе, теперь плакали отъ умиленія. Апостоль и евангеліе были прочитаны по гречески и по-русски. По русски прочиталъ Апостоль В. Н. М-цынъ. Во время великаго выхода священнослужители вышли изъ Кувукліи и обошли ее кругомъ. вмѣсто причащаемаго стиха пѣли: „Да воскреснетъ Богъ“. Затѣмъ мы все сподобились Божественнаго Источника жизни—тѣла и крови Христовой — тамъ, гдѣ Онъ преданъ за грѣхи міра. Забудутся-ли эти священные минуты во всю жизнь? Не можемъ-ли мы считать себя счастливейшими въ мірѣ?... Около 3 часовъ литургія окончилась, послѣ чего мы зашли въ келлію о. Евѣмія, гдѣ радушнымъ хозяиномъ предложено было намъ для подкрѣпленія по чашкѣ кофе. Скоро турки отперли двери храма и мы отправились по

¹⁾ Собственно Литургія была совершена въ придѣлѣ Ангела, такъ какъ при Гробѣ, въ виду слишкомъ малаго пространства, соборное служеніе невозможно. Гробъ Господень служилъ жертвенникомъ.

пустымъ улицамъ Іерусалима, среди которыхъ встрѣчались только нищіе, жалобно-заунывнымъ голосомъ просящіе милостыню, на русскія постройки. Уже совсѣмъ стало свѣтло, когда мы прибыли туда.

Часовъ въ семь утра часть наиболѣе неутомимыхъ студентовъ во главѣ съ о. Анастасіемъ, верхомъ на ослахъ, отправилась въ лавру св. Саввы—древнѣйшую монашескую обитель и замѣчательнѣйшую по строгости иноческихъ правилъ, отстоящую отъ Іерусалима на разстояніи трехъ часовъ пути (15-ть верстъ). Другая часть студентовъ провела день въ Іерусалимѣ, торопясь, до отъѣзда въ Назаретъ, осмотрѣть всѣ чѣмъ-нибудь замѣчательныя, но не осмотрѣнные еще, уголки города. Между прочимъ сегодня посѣтили и Сіонъ, столь богатый ветхо-завѣтными и ново-завѣтными священными воспоминаніями, какъ и бѣдныя историческими памятниками.

Башня Давида.

Къ Сіону мы отправились тою же дорогою, какою шли къ стѣнѣ плача, именно—мимо Яффскихъ воротъ. Первою историческою достопримѣчательностію на пути къ Сіону является „Замокъ Давида“, который стоитъ на мѣстѣ крѣпости

Иевусеевъ. Она была столь неприступна, что Израильтяне, по завоеваніи Іерусалима, не могли одолѣть ея въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока, наконецъ, не взялъ ее приступомъ Давидъ, основавшій здѣсь свою новую резиденію, которую онъ и укрѣпилъ еще болѣе. „Замокъ Давида“ и теперь служить цитаделью, въ которой турки держатъ свой гарнизонъ и военные склады. Снаружи онъ и теперь представляетъ очень внушительное сооруженіе изъ цѣлаго ряда стѣнъ и бойницъ, среди которыхъ возвышается главная башня, выступающая изъ линіи стѣнъ и поднимающая свои зубцы высоко надъ городомъ. Тутъ, говорятъ, и жилъ царь Давидъ. Сюда мы не заходили, такъ какъ входъ сопряженъ съ большими трудностями. Но бывавшіе тамъ говорятъ, что указываемое нынѣ жилище царя скорѣе напоминаетъ темницу для преступниковъ, чѣмъ роскошныя царскія палаты. Указываютъ тутъ и окно, у котораго стояло сѣдалище царя, когда онъ судилъ народъ свой, а также и площадку, съ которой онъ увидѣлъ купающуюся Вирсавію. Прудъ этотъ, говорятъ, уцѣлѣлъ и до сихъ поръ.... Недалеко отъ него находится и Сіонъ, къ которому мы отсюда и направились, выйдя Сіонскими воротами, такъ какъ Сіонъ почему-то находится внѣ стѣнъ города, какъ бы исключенъ изъ него. Тяжко и подумать это о Сіонѣ, о томъ Сіонѣ, съ которымъ связано такъ много знаменательныхъ событій ветхозавѣтныхъ и первыхъ временъ христіанства. Сіонъ въ умѣ и на языкѣ еврея былъ не только славою и твердынею Израиля, но и мѣстопробываніемъ Іеговы, синонимомъ его собственной силы и славы. Сказать Сіонъ—это значило назвать однимъ словомъ и религію еврея, и исторію еврея. Достаточно вспомнить или прочесть любой изъ псалмовъ Давида, чтобы понять это великое значеніе Сіона.... На Сіонѣ же, во время Христа, совершена Имъ тайная вечеря съ учениками и установлено святѣйшее таинство евхаристіи. Тутъ же Духъ Святыи сошелъ на Апостоловъ, совершилось успеніе Божіей Матери, состоялся первый апостольскій соборъ. А теперь, эта „радость всеи земли“, гора Сіонъ, на которую царь—поэтъ, пророкъ Давидъ, употреблялъ всѣ свои богатства для украшенія ея, гдѣ и потомъ, во дни Рима, блистала своимъ мраморомъ, колоннами и портками, садами и террасами, великолѣпный дворець Прода Великаго,—

теперь однѣ развалины или мрачныя, своеобразныя каменные зданія, совершенно не напоминающія о быломъ величіи!...

На Сіонѣ самую великою христіанскою святынею является такъ называемая „Сіонская горница“, гдѣ и происходили упомянутыя нами событія во время Христа. Сіонская горница является какъ-бы иллюстраціею той мысли, что надъ Иерусалимомъ до сихъ поръ тяготѣетъ предсказаніе Христа о его разрушеніи. Въ первомъ вѣкѣ христіанства здѣсь, на мѣстѣ тайной вечери, была церковь, первымъ предстоятелемъ которой былъ Іаковъ, братъ Господа; въ четвертомъ вѣкѣ на Сіонѣ воздвигла величественный храмъ св. Елена. Эта церковь, пострадавшая во время завоеванія Иерусалима Турками, была возобновлена крестоносцами; но кресту не суждено было Провидѣніемъ сіять надъ первою христіанскою церковію, надъ домомъ тайной вечери. Въ 1559 году, по приказанію султана Сулеймана, храмъ крестоносцевъ обращенъ въ мечеть; надъ его круглымъ, покрытымъ оловомъ, куполомъ, заблестѣлъ полумѣсяцъ, и въ такомъ видѣ, запущенный и грязный, онъ существуетъ до сихъ поръ, подъ именемъ „гроба Давида“—Наби Даубъ, т. е. пророкъ Давидъ. За приличный бакшишъ, и то послѣ долгихъ переговоровъ и угрозъ Марко, впустилъ насъ сюда страшно свирѣпый турокъ. Эта мечеть въ настоящее время имѣетъ два этажа: нижній—подземный и верхній. Нижній раздѣленъ на двѣ части: первую, гдѣ, по преданію, Христосъ умылъ ноги ученикамъ, и вторую, гдѣ Онъ явился по воскресеніи собравшимся Апостоламъ. Верхній этажъ имѣетъ также двѣ части: въ одной изъ нихъ, по словамъ преданія, происходила тайная вечеря, въ другой—Духъ Святой сошелъ на Апостоловъ. Въ этой части за рѣшеткой находится саркофагъ, покрытый шелковымъ старымъ покрываломъ. Это и есть, согласно преданію, гробъ царя Давида. Мечеть Наби Даубъ слишкомъ запущена и содержится крайне небрежно.

Вскорѣ за Сіонскою горницею начинаются кладбища—православныхъ и мусульманъ. Можетъ быть эти жилища мертвыхъ заняли то самое мѣсто, гдѣ въ золотой вѣкѣ славнаго Сіона возвышались роскошныя дворцы Соломона. Нынѣшнее положеніе Сіона является, такимъ образомъ, какъ бы эмблемою современнаго положенія иѣкогда гордаго и возносившагося до небесъ Израиля....

Отсюда мы возвратились прежнею дорогою. Нашимъ проводникомъ при этомъ указаны были недалеко находящіяся отсюда развалины дома св. Іоанна Богослова, въ которомъ совершилось преславное усненіе Божіей Матери, и мѣсто дома Каіафы, гдѣ теперь стоитъ небольшая Армянская церковь. Отягченные грустными думами о нынѣшнемъ положеніи Сіона, возвратились мы домой и поспѣли на всенощную въ Троицкій соборъ.

Другая же часть студентовъ, отправившихся въ лавру Св. Саввы, возвратилась поздно вечеромъ. Описаніе этой „частной“ экскурсіи, сдѣланное однимъ изъ участниковъ ея, и приводится ниже.

Возвратившись изъ храма Воскресенія въ 5-ть часовъ утра, мы, не смотря на усталость отъ безсонной ночи и понадѣявшись на свои молодые силы, рѣшили, не теряя времени, скоро, пока еще не наступила жара, отправиться въ обитель Саввы. Перспектива интересной поѣздки прогнала сонъ, начавшій уже было одолѣвать насъ. У воротъ подворья насъ уже ожидали осѣдланные ослики. Освѣживъ свое лицо холодной водой, подкрѣпившись стаканомъ чаю и живо переодѣвшись въ дорожные костюмы, четверо насъ, во главѣ съ о. Анастасіемъ, ровно въ 7 ч. утра, двинулись въ путь. Ъхали сначала очень тихо, осматриваясь по сторонамъ, и постоянно, съ непривычки, поправляясь на сѣдлахъ. Впереди нашей скромной кавалькады ѣхалъ верхомъ на лошади бравый кавасъ, красавецъ-черногорецъ Христо, въ своемъ живописномъ, національномъ костюмѣ. Шествіе замыкалъ черный мулатъ Ахметка, оборванный, какъ нищій, вооруженный толстой палкой, предназначенной для бѣдныхъ животныхъ, на случай, если они заупрямятся и не пожелаютъ дальше везти своихъ наѣздниковъ. Бѣдный Ахметка! Онъ бѣжалъ за нами всю дорогу, весь вспотѣвшій, запыленный, то и дѣло пуская въ ходъ свою дубину, ударяя ею непослушныхъ ословъ, колотя ихъ безжалостно, немилосердно, не обращая вниманія на стоны, вылетавшіе изъ груди несчастныхъ животныхъ. Сломивъ объ ихъ спину свою палку, онъ хотѣлъ однажды замѣнить ее тоненькимъ зонтикомъ, принадлежавшимъ одному изъ насъ, но, при первомъ же ударѣ, переломилъ его. И досталось же за это черномазому Ахметкѣ отъ нашего наряднаго, изящнаго Христо....

Тихо, нѣсколько торжественно, какъ и подобаегь серьезнымъ паломникамъ, проѣзжаемъ мы по улицамъ Іерусалима. Не смотря на ранній часъ, жизнь бьетъ ключомъ. Вотъ, проѣхали мы мимо величественнаго собора русскихъ построекъ, куда звонъ колокола созывалъ въ этотъ часъ богомольцевъ къ обѣднѣ. Богомолки въ своихъ черныхъ люстриновыхъ платьяхъ, съ бѣлыми платками на головѣ, спѣшатъ къ службѣ, останавливаясь на минуту только за тѣмъ, чтобы по-смотреть на нашу необычную въ это жаркое время года кавалькаду и отвѣсить намъ низкій, поясной поклонъ. Проѣхали мы ворота русскихъ построекъ, вступили въ узенькую улицу, наполненную маленькими лавочками, гдѣ торгуютъ различными священными предметами, какъ-то: крестиками, четками, картинками и другими подобными вещами, которыя русскіе богомольцы покупаютъ на-расхватъ. Въ этихъ магазинчикахъ торговля производится добросовѣстнѣе, чѣмъ въ центрѣ Іерусалима, или въ Визелемѣ, гдѣ алчные торговцы часто запрашиваютъ за вещь немовѣрно дорого, ловя на эту удочку простодушныхъ покупателей. По опыту мы знаемъ, какъ, напримѣръ, вещь, за которую торговецъ запрашивалъ сорокъ рублей, послѣ продолжительнаго торга, отдавалъ ее покупателю за девять рублей, оставаясь при этомъ все-таки въ барышахъ. И это практикуется постоянно въ этой странѣ, гдѣ восточный человѣкъ за пресловутый бакшишъ радъ бы продать свою душу, если бы у него ихъ было нѣсколько. Безсовѣстность торговцевъ въ Палестинѣ въ дѣлѣ запрашиванія доходитъ до апогея, и это обстоятельство надо имѣть въ виду при покупкѣ различныхъ вещей въ Іерусалимѣ.

Благополучно достигли мы до Яффскихъ воротъ. Надъ воротами находится надпись на арабскомъ языкѣ, звѣзда и полумѣсяцъ,—эмблемы турецкаго владычества. Мы вѣхали въ открытое мѣсто передъ воротами, гдѣ расположились мелкіе торговцы съ своими палатками, ослы съ погонщиками, ожидающими себя работы: здѣсь же находится туземная кофейная, противъ которой на низкихъ скамейкахъ возсѣдаетъ множество работниковъ и ремесленниковъ въ красныхъ фескахъ, съ трубкою дымящагося кальяна въ зубахъ. Последнее занятіе—любимое у восточныхъ жителей, за которымъ они проводятъ свое праздное время. Праздность.

особенно развита здѣсь, въ Іерусалимѣ. Эта праздная толпа, апатичная, лѣнливая, медленно бродитъ по узенькимъ улицамъ города, удивляя европейца своею вялостью и своимъ восточнымъ спокойствіемъ, довольная своимъ жалкимъ положеніемъ, исполненная печальной покорности своей судьбѣ. Блуждаютъ эти люди по городу, равнодушные ко всему, что не касается сегодняшняго дня, и попадаютъ, наконецъ, на площадь передъ Яффскими воротами. И здѣсь бродятъ безъ цѣли, безъ интереса, съ равнодушными лицами, молчатъ цѣлыми часами, сидя на корточкахъ, зѣвая на проходящую толпу. Иногда цѣлыми часами стоятъ они здѣсь передъ лавкой мясника, обсуждая достоинство вывѣшенной туши барана съ огромнымъ, салнымъ курдюкомъ. Они смотрятъ, какъ съ бараньей туши стекаетъ кровь, которую лижутъ собаки, блуждающія здѣсь подобно этимъ празднымъ людямъ. Мясникъ отдираетъ негодные куски и кидаетъ ихъ тутъ же на площадь. Тоція, голодные собаки съ жадностію бросаются на эти отбросы, заводятъ между собою драку за добычу, возбуждая этимъ громкіи хохотъ празднаго, шатающагося люда, развлекающагося нѣсколько этимъ зрѣлищемъ. Жизнь въ этотъ часъ была въ полномъ разгарѣ, благодаря небольшой жарѣ сравнительно съ полуденнымъ пекломъ, когда большая часть торговцевъ закрываетъ свои лавочки, и весь народъ спѣшитъ укрыться гдѣ-нибудь въ тѣни.

Восточное городское населеніе представляетъ большой интересъ для насъ — европейцевъ. Мы съ любопытствомъ смотримъ на безконечное разнообразіе одеждъ и тщательно наблюдаемъ за всѣми дѣйствіями восточныхъ жителей. Вотъ въ Яффскихъ воротахъ скопилось множество народа. Торговецъ въ фескѣ и полосатой туникѣ прислонился къ стѣнѣ, имѣя передъ собою прилавокъ, съ нагроможденными на немъ восточными сластями. Передъ нимъ стоитъ какой-то турокъ въ бѣлой чалмѣ и коричневой абѣ (въ родѣ куртки поверхъ рубашки), и на своемъ гортанномъ языкѣ что-то громко говоритъ торговцу; можетъ быть, онъ упрекаетъ послѣдняго за то, что тотъ продалъ правобѣрному своему земляку скверные фрукты, которые онъ могъ бы, безъ всякаго стыда и грѣха, сбыть иновѣрнымъ гяурамъ, какъ поклонники Магомета величаютъ христіанъ. Рядомъ съ нимъ молодой грекъ, съ плутоватой улыбкой на смугломъ лицѣ, вынимаетъ

изъ своего короба какія-то мелкія бездѣлушки, показываетъ ихъ стоящей передъ нимъ русской богомолкѣ, стараясь, по всей вѣроятности, надуть своимъ товаромъ легковѣрную покупательницу. Вотъ, чинно выступаютъ изъ воротъ, о чемъ-то серьезно разговаривая, двѣ монахини—кармелитки, съ соответственнымъ ихъ ордену головнымъ уборомъ и въ коричневой одеждѣ съ капюшономъ. Тутъ же турецкій солдатъ за что-то колотитъ темнокожаго араба, на колѣняхъ ползающаго передъ бравымъ туркомъ; а вотъ, полунагіе, оборванные нищія, имѣя на рукахъ и вокругъ себя почти голыхъ, жалкихъ ребятишекъ, жалобнымъ голосомъ выпрашиваютъ у проходящихъ надѣдливыя бакшиши. Увидя наше шествіе, мальчишки со всѣхъ ногъ бросились намъ на встрѣчу, загораживая путь нашимъ осликамъ и протягивая къ намъ свои грязныя ручонки, надѣясь получить отъ насъ нѣсколько „паричекъ“; но взмахъ кнута нашего каваса заставилъ ихъ отскочить въ сторону и только издали вымаливать себѣ милостыню. Показывая свою принадлежность къ христіанству, они то и дѣло крестились, думая черезъ это разжалобить насъ и получить, такимъ образомъ, отъ насъ подачку. Въ то же время изъ воротъ мѣрно выступаютъ верблюды, имѣя передъ собою араба въ бѣлой кефіе и синей бумажной рубахѣ, но съ голыми руками, дополняя пестроту общей картины. Какъ бы нарочно для увеличенія большей суতোлки, навстрѣчу верблюдамъ въ ворота идетъ что-то живое, трудно различимое на первый взглядъ: мы видимъ только движущіяся горы корзинъ, ящичковъ, громадныхъ, чѣмъ-то наполненныхъ мѣшковъ, направляющихся въ городъ черезъ Яфскія ворота; изъ-подъ груди этихъ нагроможденныхъ предметовъ раздается странный жалобный крикъ. Оказывается, что это—ослы, навьюченные до такой степени, что подъ кладью и подъ тяжестью они совершенно скрываются, и только крикомъ даютъ знать о своемъ существованіи, какъ бы жалуюсь прохожимъ на несправедливость своихъ хозяевъ, налагающихъ на беззащитныхъ животныхъ неимоверно тяжелыя кладя. Въ этой сутолокѣ обращаютъ на себя вниманіе евреи въ шляпахъ съ широкими полями, или же въ плоскихъ суконныхъ шапкахъ, съ пейсами на вискахъ. Костюмъ ихъ состоитъ изъ длиннаго чернаго камзола, одѣтаго сверхъ желтаго хитона, который, об-

легая стань, достигаетъ до пять. И все скопище народа говорить, шумить, спорить, оглашая воздухъ разноязыч-

Еврей. Изъ Иерусалимскихъ типовъ.

ными возгласами. Шумъ, гамъ невообразимый! Но мы не чувствуемъ утомленія отъ этого зрѣлища. Мы желали бы побыть здѣсь подольше, чтобы въ нашей душѣ остался болѣе сильный слѣдъ отъ переживаемыхъ впечатлѣній восточной жизни.—Но... часы бѣгутъ, и намъ надо спѣшить.

Свернувъ вправо отъ Иффскихъ воротъ, мы проѣхали мимо цѣлаго ряда деревенскихъ домиковъ, построенныхъ для своихъ израильскихъ собратій умершимъ англійскимъ подданнымъ, евреемъ Моисеемъ Монтефиоре. Миновавъ послѣднія строенія, мы очутились въ открытой, обширной равнинѣ. совершенно голой, усыпанной камнями, торчащими изъ земли

въ разныхъ направленіяхъ. Напрасно мы будемъ стараться отыскать здѣсь хоть травку, хоть одинъ зеленый листочекъ, чтобы смягчить тяжелое впечатлѣніе, которое производятъ на насъ растрескавшіеся и встрѣчающіеся намъ на пути каменные утесы. Кругомъ царствуетъ мертвая тишина и безмолвіе. Лишь стукъ копытъ нашихъ ословъ о каменистую тропу, да характерное гиканье на животныхъ нашего Ахметки нарушаютъ торжественную тишину пустыни. Тишина кажется намъ въ особенности рѣзкою по сравненію съ недавнимъ оглушительнымъ шумомъ около Яффскихъ воротъ. Нельзя повѣрить, что мы находимся сейчасъ за три версты отъ города, — такъ нелюдино и пустынно въ этой мѣстности. Видящіяся вдали масличныя деревья, стоящія одиноко другъ отъ друга, кажутся мертвыми, безжизненными съ своими листьями, покрытыми пепельно-сѣрымъ налетомъ. Но, оглянувшись назадъ, мы видимъ высящіяся стѣны и зданія Святаго Града Давида, надъ которымъ царитъ знаменитая мечеть Омара. Мы на минуту остановились, чтобы полюбоваться этою чудной панорамой города, освященной яркими лучами солнца. Тихо. Ни шороха, ни звука. Очарованные необычайной тишиной, мы предались размышленіямъ о библейскихъ временахъ. По преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоимъ мы, остановился нѣкогда Авраамъ, приказавъ своимъ слугамъ оставаться здѣсь, а самъ продолжалъ свой путь одинъ въ сопровожденіи только своего сына Исаака, обреченнаго на закланіе. Эта же равнина была нѣсколько разъ свидѣтельницею кровавыхъ стычекъ евреевъ съ ихъ врагами. Здѣсь происходила, напримѣръ, извѣстная изъ библейской исторіи битва израильтянъ съ Филистимлянами: здѣсь Давидъ, изнемогая отъ жажды, не сталъ пить принесенной ему воды, вылилъ ее на землю, рѣшившись страдать вмѣстѣ съ своими воинами. Жажда, томившая уставшее отъ сраженія войско Давида, должна была быть невыносимой. Намъ теперь немного понятенъ тотъ ужасъ положенія, въ которомъ находились тогда воины еврейскіе, и мы по достоинству можемъ оцѣнить геройскій подвигъ Давида, отказавшагося отъ воды. Мы проѣхали только одинъ часъ, но насъ уже мучитъ страшная жажда. По дорогѣ—ни ручейка, ни одной капли воды. Бѣдные ослики изнемогли отъ жары, губы ихъ пересохли, изъ ихъ грудей выдѣляются звуки, похожіе на храпъ ум-

рающихъ. Видъ обнаженныхъ утесовъ и отсутствіе растительности какъ бы увеличиваютъ жажду. Этотъ однообразный видъ безплодной пустыни навѣваетъ тоску и уныніе. Куда ни взглянешь, всюду только голыя угрюмыя горы и горы... Хоть бы какое-нибудь живое существо! Однѣ только зеленоватыя ящерицы встрѣчаются намъ постоянно на пути, прыгая съ камня на камень, играя на солнцѣ, чувствуя себя довольными своимъ положеніемъ. Вотъ, изъ-подъ одного камня, направо отъ дороги, выползла красноватая змѣя, которая, понюхавъ воздухъ и посмотрѣвъ съ любопытствомъ на насъ, нарушителей тишины пустыни, быстро спряталась въ свою нору. Кавасъ говоритъ, что такихъ змѣй водится очень много въ горахъ Палестины: онѣ весьма ядовиты. Но мы совершенно не думаемъ объ опасности быть укушенными этой змѣей, довольные тѣмъ, что появленіе ея нѣсколько развлекло насъ, внеся нѣкоторое разнообразіе въ наши впечатлѣнія, полученные нами отъ вида этой дикой мѣстности. По разсказу каваса, въ Палестинѣ существуютъ укротители змѣй, которые, вырвавъ змѣиные зубы, гдѣ кроется ядъ, дѣлаютъ ихъ безвредными. Но въ общемъ очень много смертныхъ случаевъ отъ укушенія ядовитыхъ змѣй.

Въ разговорѣ о ядовитыхъ змѣяхъ незамѣтно прошло около получаса времени, но затѣмъ опять томящая скука отъ пустыннаго вида прѣзжаемой нами печальной мѣстности, а увеличивающаяся жажда даетъ себя знать съ каждой минутой все болѣе и болѣе. Мертвая тишина тягостно дѣйствуетъ на нашу душу. Но, вотъ, вдали показались какія-то черныя точки, откуда временами слышатся долетающіе до насъ довольно странные звуки. При приближеніи, оказалось, что это—овцы, впереди которыхъ шелъ пастухъ-арабъ въ грубой одеждѣ, перекинутой черезъ лѣвое плечо, съ открытой мощной, загорѣлой грудью, со свирѣпымъ взглядомъ на коричневомъ лицѣ. У бедра привязана овечья шкура. Голову пастуха покрывало кефія, сѣро-желтаго цвѣта, концы котораго развѣвались на его плечахъ, придерживаемые на головѣ веревкой, сдѣланной изъ мягкихъ верблюжьихъ волосъ. На ногахъ онъ имѣлъ стертые сандалии, въ рукахъ держалъ свирѣль изъ камыша, съ продѣланными въ немъ отверстіями, лавируя которыми пастухъ тянетъ свою монотонную, унылую пѣснь. Она издаетъ только нѣсколько низкихъ и высокихъ

звуковъ. Съ боку у него привязана толстая палка съ крупнымъ наконечникомъ, утыканнымъ толстыми желѣзными

Бедуинъ.

гвоздями. Подобная палка составляетъ страшное оружіе въ рукахъ сильнаго храбраго араба противъ разбойниковъ и хищныхъ звѣрей. Въ рукахъ у пастуха посохъ съ крючкомъ на концѣ. Этимъ крючкомъ онъ можетъ задѣвать за ноги своихъ овецъ и стаскивать ихъ осторожно съ высокаго утеса. Впереди стада идетъ баранъ, съ колокольчикомъ на шеѣ, и ведетъ за собою все стадо, какъ проводникъ. Этотъ пастухъ гонитъ теперь свое стадо въ какую-нибудь пещеру, на отдыхъ, въ виду наступающей жары. Привѣтствовавъ насъ словомъ „маргаба“, на что мы ему отвѣтили тѣмъ же, пастухъ со

своимъ стадомъ, не останавливаясь, продолжать свой путь дальше. Затѣмъ опять стало тихо и безмолвно, лишь издали долго доносился до насъ заунывный звукъ свирѣли удалявшагося пастуха и тихій звонъ колокольчика, привязаннаго къ шеѣ проводника-барана.

Но, слава Богу! Нашъ Христо сообщилъ намъ радостное извѣстiе, что до лавры св. Саввы осталось около часу пути. Мы напрягли свои силы, чтобы поскорѣе добраться до монастыря, но утомленные ослики, не смотря на понуканье погонщика, не въ состоянiи идти быстро. Начиная отъ самаго Иерусалима, мы ѣдемъ по направленiю Иосафатовой долины, которая, по мѣрѣ удаленiя отъ города, постепенно мелѣетъ; а около лавры превращается въ глубочайшую пропасть, образуемую съ обѣихъ сторонъ высокими и обрывистыми скалами, и носитъ названiе „огненной рѣки“, по причинѣ существующей здѣсь страшной, неимовѣрной жары. Отвѣсные обрывы имѣютъ здѣсь до 600 футовъ глубины; но недурно теперь устроенная дорога, съ прочной каменной стѣнкой, безопасно ведетъ насъ западной стороною бездонной пропасти. Такой дикою мѣстности мы никогда не видали, и едва ли когда еще увидимъ. При приближенiи къ монастырю, эта глубокая долина перехватывается дикою величественною дебрью, поражающею насъ своею пустынностью и необыкновенною угрюмостью. По обѣимъ сторонамъ этого глубокаго ущелья, мы видимъ въ скалахъ полуразрушенныя пещеры, въ которыхъ нѣкогда спасались люди, убѣгавшіе отъ мірской суеты. Особенно въ V в., послѣ паденiя римской имперiи, многими овладѣло страстное желанiе удалиться отъ общественныхъ буръ и тревоженiй и искать себѣ убѣжища въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ. Страсть къ пустынной жизни охватила тогда всѣхъ восторженныхъ людей. Они не могли найти болѣе лучшаго мѣста для своего подвижничества, какъ эту дикую дебрь, куда они и шли толпами, высѣкая въ каменныхъ утесахъ себѣ небольшiя жилища, которыя часто служили для нихъ и могилами. Смотря на эти громадныя утесы и высѣченныя въ нихъ пещеры, мы невольно проникаемся глубокимъ уваженiемъ къ этимъ подвижникамъ, у которыхъ желанiе спасти свою душу и наслѣдовать царствiе небесное заглушало всѣ человѣческiя страсти.

Вся эта дѣбрь, эта глубокая бездонная пропасть тянется вплоть до Мертваго моря, наполненная на всемъ протяженіи подобными пещерами, гдѣ спасались невѣдомые міру подвижники, усовершаясь въ богоугодной жизни.

Показались, наконецъ, зданія монастыря, и прежде всего— куполь и башня съ часами, затѣмъ громадная башня, на которой постоянно находится сторожъ, котораго мы видимъ и теперь. Эту сторожевую башню построилъ императоръ Юстиніанъ, желая охранить беззащитное уединеніе отшельниковъ отъ набѣга и грабежа бедуиновъ. Сторожъ, стоящій на часахъ, даетъ знать объ опасности находящимся внизу монахамъ, посредствомъ звонка. При нашемъ приближеніи также раздался звонокъ. Но, увидя въ насъ мирныхъ паломниковъ, пріѣхавшихъ поклониться святынямъ этой обители, намъ отперли безпрепятственно желѣзные ворота и съ глубокимъ поклономъ впустили въ ограду монастыря. Было 10 часовъ утра. Напрасно мы спѣшили сюда такъ рано, чтобы попасть къ какой-нибудь церковной службѣ. Богослуженіе закончилось уже въ семь часовъ утра. Оказывается, что здѣсь, благодаря нестерпимой жарѣ, служба начинается очень рано, а именно: утренняя въ часъ ночи, а обѣдня въ 4 ч. утра. Въ восемь часовъ утра полагается обѣдъ, послѣ котораго монахи до трехъ часовъ дня спятъ въ своихъ келліяхъ сномъ праведниковъ. За желѣзною дверью, въ которую мы вошли, есть еще другая, также желѣзная, ниже на нѣсколько ступенекъ, которая ведетъ на вторую лѣстницу. Спустившись съ нея, мы попали на маленькій дворикъ, изъ котораго, по третьей лѣстницѣ, насъ провели въ комнату для гостей, съ турецкими диванами вокругъ стѣнъ и съ постелью подъ кисейнымъ пологомъ въ концѣ этой комнаты. Насъ усадили, попросили подождать, затѣмъ подали неизбежное „глико“, т. е. холодную воду съ вареньемъ, по восточному обычаю. Это угощеніе было, какъ нельзя болѣе кстати. Залпомъ вынули мы по большому стакану холодной освѣжающей влаги, которая подкрѣпила наши, изнемогшіе отъ жары, уставшіе члены. Вскорѣ появился какой-то монахъ въ оборванномъ синемъ подрясникѣ изъ грубой матеріи, въ истертыхъ продыравленныхъ сандаляхъ, черезъ которыя просвѣчивали грязныя ноги, имѣя на головѣ что-то похожее на камиллавку допотопнаго возраста. Онъ низко намъ поклонился.

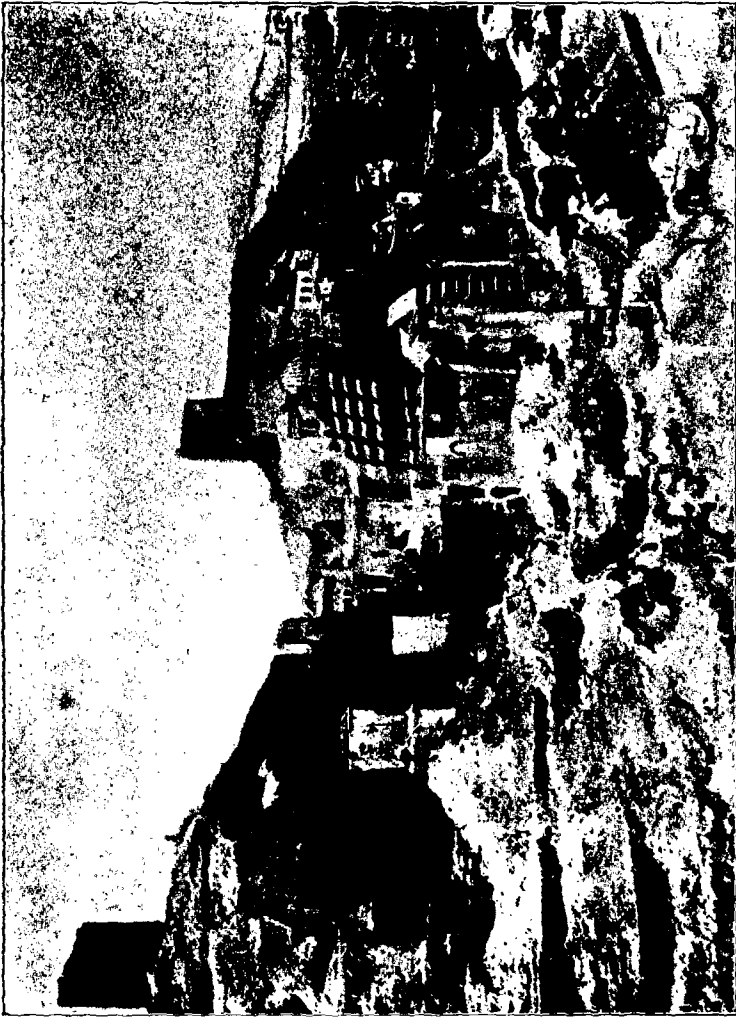
Къ нашему удивленію, это былъ самъ намѣстникъ лавры, о. архимандритъ Анеѣмъ, правящій уже нѣсколько лѣтъ монастыремъ, главнымъ настоятелемъ котораго считается патріархъ Іерусалимскій. Путешествуя по разнымъ русскимъ монастырямъ, мы не встрѣчали ни одного самаго послѣдняго послушника, самаго простого церковнаго служку въ такой слишкомъ скромной одеждѣ. Другой монахъ, открывшій намъ ворота, котораго по внѣшности мы приняли за привратника, оказался казначеемъ обители св. Саввы. Видно, что простота доведена здѣсь до кульминаціонной точки; видно, что здѣсь забота о внѣшности на послѣднемъ планѣ...

Нашъ проворный Христо быстро приготовилъ намъ чай, къ которому мы пригласили и отца Анеѣма. Послѣдній рассказываетъ намъ о простотѣ жизни и нетребовательности монаховъ этой обители, довольствующихся самой скромной трапезой, состоящей, большею частію, изъ овощей, и только по праздникамъ вкушающихъ яйца и сыръ. Посѣтителей, по его рассказамъ, очень мало бываетъ въ ихъ обители. Единственные друзья и товарищи монаховъ—птицы и дикіе звѣри, съ которыми они живутъ въ полномъ ладу. Часто по вечерамъ, привлекаемые колокольнымъ звономъ, къ стѣнамъ лавры приходятъ волки, шакалы и лисы, которымъ монахи черезъ стѣны бросаютъ хлѣбъ и разные остатки пищи. Птицы, изъ которыхъ особенно заслуживаютъ вниманія „крастели“, похожія на нашихъ дроздовъ, садятся часто на плечи иноковъ и изъ ихъ рукъ клюютъ зерна и ягоды. Со слезами на глазахъ указывалъ маститый старецъ Анеѣмъ на высокія, толстыя стѣны, служащія для охраны отъ набѣговъ разбойниковъ-бедуиновъ, часто беспокоящихъ мирныхъ иноковъ... „Да, говорилъ онъ, много бурь пронеслось надъ нашей обителью за послѣднія XIV столѣтій: она была часто опустошаема, и монахи, ни въ чемъ неповинные, гибли отъ меча враговъ“... При этомъ нахлынувшимъ воспоминаніямъ, авва—намѣстникъ не могъ долѣе удержать текущихъ изъ его глазъ слезъ. Простившись затѣмъ съ нами, онъ удалился, сдѣлавъ предварительное распоряженіе о приготовленіи для насъ трапезы. Грустное впечатлѣніе навѣяли на насъ рассказы старца о монастырскомъ прошломъ.

Скоро подали намъ и обѣдъ, состоявшій изъ разныхъ овощей, свѣжихъ маслинъ, смоквъ, яицъ, овечьяго сыра, кислаго молока, затѣмъ особеннымъ образомъ свареннаго риса и еще чего-то горячаго, что все вмѣстѣ, съ привезенной нами рыбной закуской, составило довольно сытную трапезу. Два графина чистаго винограднаго вина, бѣлаго и краснаго, довольно легкаго, послужили дополненіемъ къ нашему обѣду. Мы кушали съ аппетитомъ всѣ блюда, кромѣ овечьяго сыра, котораго мы совершенно не могли ѣсть,—до того онъ рѣзокъ и обладаетъ особымъ специфическимъ неприятнымъ запахомъ, который можно слышать еще издали. Привыкшимъ къ утонченнымъ блюдамъ и различнымъ сластямъ не понравилась бы эта монастырская трапеза. Мы же, достаточно проголодавшись и уже привыкши нѣсколько къ восточнымъ кушаньямъ, остались довольны предложенными намъ яствами.

Подкрѣпившись обѣдомъ, мы попросили о. казначея показать намъ всѣ достопримѣчательности лавры. Мы вышли на дворикъ и стали осматриваться, стараясь сдѣлать общій обзоръ всѣмъ монастырскимъ зданіямъ. Лавра св. Саввы пристроена къ западному отвѣсному боку глубокой дебри. Въ этомъ боку углублена площадь на срединѣ рва съ узкимъ отводомъ вдоль стѣны. Площадь эта, въ видѣ треугольника, обставлена какъ со дна пропасти, такъ и по окраинамъ своей ровной поверхности, отвѣсными скалами. По верхнимъ окраинамъ треугольника построены толстыя стѣны, изъ которыхъ двѣ начинаются отъ вышеупомянутой уже нами четырехъ-угольной сторожевой башни съ толстыми стѣнами и съ плоской площадкой вмѣсто крыши. Третья же сторона треугольника не ограждена стѣнами, такъ какъ ея охраной служить зіяющая внизу бездна. Внизу сторожевой башни есть потайной ходъ, ведущій въ подземелье, а въ самомъ верху ея устроена библіотека, славившаяся нѣкогда драгоценными древними рукописями, теперь же унесенными отсюда въ другія библіотеки православнаго Востока, частью же сожженными при частыхъ погромахъ этой обители. Ровная площадь, имѣющая видъ треугольника, и составляетъ средоточіе лавры. Для огражденія монастырской площади, въ незначительныхъ изгибахъ утесовъ, поставлены большіе устои, которые подпираютъ главное зданіе монастыря. Надъ всѣмъ

этимъ возвышаются монастырскія келліи, которыя лѣплятся въ горахъ, какъ гнѣзда ласточекъ; передъ ними выступаютъ балкончики самой разнообразной формы, высѣченные также въ скалѣ. Видъ этихъ келлій снаружи довольно оригиналенъ. Общій же видъ лавры представляетъ соединеніе двориковъ, часовенъ, церквей, келлій, террасъ и маленькихъ садиковъ съ небольшими растеніями, смягчающими угрюмость этого мѣста. Противъ самой лавры, по ту сторону рва, видна пещера, гдѣ жилъ и умеръ преподобный Савва, основатель этой обители. Далѣе, по ту же сторону рва, находится пещера св. Ксенофонта, теперь разрушенная, при-слоненная къ стѣнѣ на подобіе птичьяго гнѣзда. Недалеко отъ нея находится большая и высокая пещера его сына Аркадія, образованная природою въ южной сторонѣ дебри и поддерживаемая въ передней своей части каменною стѣнкою. Какъ разъ, напротивъ этой пещеры, на другой сторонѣ дебри, со стороны монастыря, и потому невидимой отсюда, находится, по объясненію сопровождавшаго насъ монаха, небольшая пещерка, гдѣ спасался второй сынъ Ксенофонта, Іоаннъ. Гдѣ-то, недалеко отсюда, по ту сторону дебри, по разсказу монаха, находится и пещера матери св. Саввы, пожелавшей жить вблизи своего благочестиваго сына. Все это хорошо видно съ крыши одной лаврской церкви, откуда открывается превосходный видъ на бездонную пропасть „огненной рѣки“. Глазъ отрывать не хочется отъ этой чудной, поэтической, но въ то же время страшной, захватывающей душу панорамы. Сердце наполняется умиле-ніемъ при мысли о томъ, какая должна быть сильная и живая вѣра у этихъ отшельниковъ, если она могла двигать ихъ на такіе высокіе подвиги пустынножитія и благочестія. Какъ должна быть сильна воля у этихъ людей, оставившихъ позади себя всѣ земныя блага и удалившихся въ эту страшную юдоль скорби и печали! Надежда достигнуть царствія небснаго побѣдила въ нихъ человѣческія немощи. Да и теперь нелегко инокамъ привыкать къ келліямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя стоятъ, неогражденные, на краю бездны, такъ что невольно удивляешься, какъ можно жить, видя всегда передъ собою эту разверзающуюся пропасть, готовую поглотить тебя при всякомъ неосторожномъ движеніи. Вотъ, на краю бездны, стоитъ одинокая финиковая

Обитель Преподобного Саввы.

пальма, которая низринулась бы въ бездну, если бы не поддерживающія ее цѣпи. Давно, много вѣковъ стоитъ она здѣсь, посаженная св. Саввою, свидѣтельница подвиговъ спасающихся здѣсь святыхъ, а также свидѣтельница всѣхъ бѣдъ и напастей, постигавшихъ эту знаменитую обитель.

Вдоволь насмотрѣвшись на эту оригинальную картину природы, мы переходимъ къ обзору отдѣльныхъ монастырскихъ зданій. На окраинѣ площади, выдающейся въ ровъ, выстроена большая церковь, которую св. Савва посвятилъ празднику Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Восточныя и южныя наружныя ея стѣны подперты толстыми каменными контрфорсами, расположенными весьма близко другъ отъ друга, а между ними находятся продолговатыя узкія окна для освѣщенія храма. Благодаря этому, наружный видъ церкви очень своеобразенъ. На башнѣ надъ церковью висятъ три небольшихъ колокола, звонъ которыхъ оглашаетъ пустыню, вплоть до самаго Мертваго моря. Передъ входомъ въ церковь — нѣчто въ родѣ навѣса или открытой паперти, гдѣ по бокамъ устроены сидѣнья для монаховъ, которые спасаются сюда отъ невыносимой духоты въ церкви во время лѣтнихъ жаровъ. Внутренность церкви не представляетъ ничего особеннаго, хотя все здѣсь блеститъ серебромъ и золотомъ и новыми иконами греческаго письма. Лучшимъ украшеніемъ храма служитъ плащаница, шитая золотомъ по фіолетовому бархату. Здѣсь находится очень древняя икона св. Саввы, а также части мощей, именно: главы святыхъ Ксенофонта и его сыновей Аркадія и Іоанна. Передъ этими святынями, поставленными для насъ посреди храма, о. Анастасій совершилъ молебенъ, поминая въ молитвахъ патріарха Даміана, нашего Преосвященнаго, и всѣхъ нашихъ путниковъ. Умиротворенные этою молитвою, вышли мы изъ храма и направились къ западу, гдѣ посреди двора стоитъ восьмиугольная часовня, одѣтая мраморомъ, съ небольшимъ куполомъ наверху, сооруженная надъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія св. Саввы. Какъ извѣстно, мощи Святаго унесены тайно католиками въ Венецію во время крестовыхъ походовъ. Надъ мѣстомъ же погребенія внутри часовни поставлена теперь мраморная гробница, надъ которой помѣщена икона этого Святаго. На стѣнахъ часовни также развѣшаны иконы многихъ святыхъ, подвизавшихся нѣкогда въ этой обители, а въ куполѣ ея

помѣщено изображеніе Спаса Нерукотвореннаго, недурной живописи. Противъ этой часовни, къ сѣверу отъ нея, находится довольно большая пещера, высѣченная въ скалѣ, подъ землею. Пещера эта тройная: въ одной есть небольшой придѣлъ въ честь св. Николая, въ другой—придѣлъ въ честь пострадавшихъ отцовъ лавры, а третья часть служитъ усыпальницею для братіи монастыря. Св. Савва, спасавшійся еще по ту сторону дебри, видѣлъ, по преданію, огненный столбъ, поднимавшійся изъ этой пещеры къ небу, въ память чего онъ и устроилъ церковь въ честь Святителя Николая. Здѣсь намъ показывали за стекломъ множество череповъ монаховъ, павшихъ будто бы отъ руки персидскаго царя Хозроя, въ VII в. по Р. Х. Въ иноческую усыпальницу можно проникнуть черезъ отверстіе, сдѣланное среди площади и закрываемое большою плитою. Въ усыпальницѣ находится каменное ложе, на которое кладутъ умершаго монаха, до слѣдующаго покойника. Затѣмъ спускаются туда и, найдя перваго покойника уже разложившимся, омывають его кости, служатъ надъ нимъ панихиду, ссыпаютъ ихъ затѣмъ въ особую пещеру, а черепъ кладутъ отдѣльно на каменную полку. Такихъ череповъ въ этой усыпальницѣ множество. По узенькому коридорчику, высѣченному въ скалѣ, мы прошли на южный конецъ лавры въ пещеру св. Саввы, гдѣ онъ прожилъ цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, причемъ, какъ гласитъ его житіе, ему прислуживалъ левъ. Въ одномъ отдѣленіи этой пещерки находится маленькая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла, а въ другомъ отдѣленіи показывается спальная основателя этой лавры. Идя на западъ и поднимаясь къ башнѣ Юстиніана, выше церкви св. Николая, мы попадаемъ въ другую церковь, устроенную изъ келліи Іоанна Дамаскина, и освященную во имя его. Здѣсь, у стѣны, находится гробница этого знаменитаго церковнаго пѣснопѣвца съ иконою, изображающей его погребеніе. Спустившись черезъ отверстіе въ полу къ могилѣ Дамаскина, мы предались воспоминаніямъ о поэтическомъ образѣ св. Іоанна. Въ этой, смрадной и тѣсной пещерѣ, не смотря на отсутствіе дневнаго свѣта, при слабомъ отблескѣ восковой свѣчи, въ молитвѣ виталь сей святой мужъ своимъ духомъ въ чудной, духовной поэзи, составляя неподражаемыя церковныя пѣснопѣнія, улаждающія душу христі-

анина, окрыляя ее вѣрою, любовію и надеждою. Кому неизвѣстны его пасхальныя пѣсни, приводящія въ восторгъ сердце каждаго христіанина, или его погребальныя пѣснопѣнія, глубоко проникающія въ душу? Смиренно спасаясь въ этой кельѣ, онъ оставилъ по себѣ незыблемую память!

Рядомъ съ келліею Іоанна Дамаскина есть придѣлъ, устроенный еще имъ самимъ, въ честь Іоанна Предтечи. Наконецъ, поднявшись еще выше къ сторожевой башнѣ, мы вошли въ маленькую церковь во имя св. великомученика Георгія, въ которой сохранилась часть древней мозаики на полу.

Во всѣхъ этихъ маленькихъ пещерныхъ церквахъ службы совершаются не каждый день, кромѣ церкви Іоанна Дамаскина, гдѣ служба происходитъ ежедневно.

Осмотрѣвши церкви, мы обозрѣли затѣмъ монастырскую трапезную, кухню, контору, гдѣ намъ предложили записать на вѣчное поминовеніе имена умершихъ нашихъ близкихъ,— что дѣлается почти во всѣхъ греческихъ монастыряхъ,— на потребности монастырскія. Саввинская обитель, въ этомъ случаѣ, не дѣлаетъ исключенія изъ общаго правила.

Затѣмъ, мы осматривали нѣсколько келлій, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ около пещерныхъ церквей, вверху и внизу. Келліи очень маленькія, низкія, тѣсныя, въ видѣ небольшихъ гротиковъ, едва пропускающихъ слабый свѣтъ черезъ маленькое отверстіе, сдѣланное въ двери. Въ нихъ очень душно, воздухъ спертый; жара здѣсь, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Почти во всѣхъ келліяхъ мы видѣли отдыхающихъ монаховъ, утомленныхъ продолжительной утренней службой и изнуренныхъ нестерпимымъ дневнымъ зноемъ. Но, вотъ, изъ одной крохотной пещерки— келліи, мы вдругъ слышимъ относящееся къ намъ привѣтствіе на чисто русскомъ языкѣ. Что-то родное почуялось вблизи насъ. Мы устремили свои взоры по направленію слышимыхъ нами родныхъ для насъ звуковъ. Изъ темнаго угла келліи всталъ передъ нами довольно коренастый монахъ, въ грубой одеждѣ, босикомъ, съ непокрытою головою, съ блѣднымъ лицомъ, окаймленнымъ черной съ просѣдкою бородою; на этомъ мрачномъ лицѣ блестятъ большіе, умные глаза, воспаленные отъ постоянныхъ слезъ и отъ неутомимаго молитвеннаго бдѣнія, какъ объяснилъ намъ сопровождавшій насъ монахъ. Оказалось, что это—казакъ изъ

Кубанской области, пришедшій изъ Россіи десять лѣтъ тому назадъ и не пожелавшій объяснить своего прошлаго и своего общественнаго положенія. На наши разспросы онъ отвѣчалъ также неопредѣленными, отрывочными фразами, видимо не желая продолжать этого непріятнаго для него разговора, можетъ быть, будившаго въ немъ дремлющія тяжелья воспоминанія. Не смѣя болѣе тревожить его своимъ присутствіемъ, мы сочли долгомъ немедленно оставить его уединенную келлію, пожелавъ ему полнаго душевнаго успокоенія. Намъ занималъ вопросъ: что это за человѣкъ, судьба котораго забросила въ этотъ уединенный, дикій уголокъ? Измученная ли грѣхами душа его пришла сюда искать спасенія, или же надоѣдливая суета шумной мірской жизни сбѣлала для него эту мрачную юдоль тихимъ пристанищемъ въ его жизненномъ плаваніи? Но все покрыто мракомъ неизвѣстности. Душа его темна для насъ. Тайну своей жизни унесетъ онъ съ собою въ могилу. Его голова, отличающаяся, можетъ быть, недюжиннымъ умомъ, превратится тогда въ пустой голый черепъ, который нѣсколько вѣковъ можетъ пролежать на каменной полкѣ усыпальницы этой святой обители. Трудно позабыть черты этого монаха, глубоко врѣзавшіяся въ нашу память. Въ этомъ монастырѣ можно встрѣтить монаховъ, пришедшихъ сюда изъ Турціи, Греціи, береговъ Архипелага и съ нашей родины Россіи.

Намъ предложили затѣмъ посмотрѣть находящійся на самомъ днѣ рва источникъ св. Саввы, по молитвамъ котораго, какъ гласитъ преданіе, вода въ немъ появилась изъ скалы. „Агіазма“, какъ именуютъ греки этотъ источникъ, находится въ небольшомъ гротѣ, прямо подъ алтаремъ храма Благовѣщенія; вода просачивается черезъ стѣнки грота, собираясь каплями въ узкій небольшой колодець, такъ что въ сутки набирается не болѣе 12-ти кувшиновъ; она очень чиста и пріятна на вкусъ. Монахи обыкновенно пользуются водою изъ цистерны, въ которую стекаетъ дождевая вода.

Недалеко отъ лавры находится площадка, обставленная горами и называемая „монашескимъ базаромъ“. Сюда сходятся три дороги: отъ Мертваго моря, Іерусалима и самой лавры. Здѣсь, въ прежнее время, отшельники меньшихъ пещеръ продавали окрестнымъ жителямъ свои издѣлія, взамѣнъ которыхъ покупали съѣстные припасы.

одежду и другія необходимыя въ монашескомъ обиходѣ вещи.

Достаточно утомившись осмотромъ и обозрѣвъ почти всѣ достопримѣчательности лавры, мы возвратились въ отведенную намъ комнату, чтобы немного отдохнуть. Было около двухъ часовъ дня. Мы чувствуемъ усталость во всѣхъ членахъ. Безсонная ночь наканунѣ теперь даетъ себя знать. Нестерпимый зной, не менѣе 50° по Реом., еще болѣе способствуетъ изнеможенію нашего утомленнаго тѣла, требующаго продолжительнаго отдыха. Мы расположились на диванахъ, надѣясь соснуть хотя одинъ часъ до отѣзда. Но странное дѣло! Благодаря ли переживаемымъ впечатлѣніямъ этого дня, необыкновенной ли духотѣ, царившей въ нашей комнатѣ, или же вслѣдствіе массы насѣкомыхъ, москитовъ и мухъ, кишѣвшихъ въ этой гостиной и набрасывавшихся на насъ съ непомѣрной алчностью дикихъ звѣрей, давно не выдавшихъ пищи,—вслѣдствіе ли всѣхъ этихъ причинъ, но мы не могли уснуть. Сонъ, нѣсколько минутъ назадъ чуть не смежившій намъ вѣки, сейчасъ же совершенно покинулъ насъ. Около часу лежали мы, не имѣя возможности уснуть, предаваясь воспоминаніямъ о прожитомъ днѣ, разбираясь въ своихъ впечатлѣніяхъ и размышляя о постигнутой судьбѣ этой древнѣйшей лавры.

Нѣсколько столѣтій пронеслось надъ нею, много бѣдъ испытала она, но до сихъ поръ стоитъ незыблемо, будучи свидѣтельницею столькихъ историческихъ событій. Мы невольно вспоминаемъ богатую событіями исторію этого знаменитаго монастыря, какъ мы ее знаемъ по разсказамъ намѣстника обители, а также и изъ другихъ источниковъ. Какъ извѣстно, лавра была утроена преподобнымъ Саввою въ 502 г. и состояла сначала изъ небольшого числа келлій, гдѣ жилъ самъ основатель съ учениками, а также изъ церкви въ пещерѣ, гдѣ теперь находится придѣлъ въ честь св. Николая. Черезъ 27 лѣтъ импер. Юстиніанъ, узнавъ о добродѣтеляхъ Саввы, построилъ стѣны и башни для защиты монастыря, украсилъ его разными строеніями и богато одарилъ. Св. Савва въ 529 г. ѣздилъ къ императору въ Константинополь, въ качествѣ представителя отъ Палестинскихъ христіанъ, ходатайствуя о заступничествѣ послѣднихъ. Это время было самой цвѣтушей порой св. лавры, въ стѣнахъ которой

вмѣщалось около 5,000 монаховъ, не считая окрестныхъ пещеръ. Въ 614 г. Сарацины напали на лавру и умертвили много иноковъ. Затѣмъ Персы, подъ начальствомъ Хозроя, разгромили эту обитель и долго мучили иноковъ, пытая у нихъ о мнимыхъ сокровищахъ, хранившихся будто бы въ монастырѣ. Наконецъ, потерявъ всякую надежду узнать что-либо, непріатели 44-мъ инокамъ отсѣкли головы на одномъ камнѣ, а келліи ихъ ограбили и разорили. Въ 728 г. лавра, подобно прочимъ мѣстностямъ Палестины, подвергалась опустошенію со стороны враждовавшихъ между собою арабскихъ племенъ, при чемъ многіе Отцы этой обители пали отъ меча невѣрныхъ. Послѣ того св. лавра часто была опустошаема арабами, которые избивали монаховъ, требуя отъ нихъ несуществующихъ сокровищъ. Въ 792 г., Сарацины ради приобрѣтенія сокровищъ, которыхъ не было, замучили двадцать иноковъ монастыря. Особенно сильное нападеніе на лавру совершили арабы послѣ изгнанія крестоносцевъ и завоеванія Іерусалима. Озлобленные противъ владычества рыцарей св. Креста, магометане напали на лавру, перерѣзали монаховъ, разрушили до основанія многія мѣста обители, оставивъ нетронутыми церковь и гробъ св. Саввы. Монастырь запустѣлъ. Но наконецъ наступило нѣкоторое затишье. Только изрѣдка бывали нападенія на лавру со стороны мелкихъ шаекъ кочующихъ бедуиновъ. Обитель стала поправляться. Монастырь опять наполнился иноками. Это продолжалось до 1566 г., когда Турки, при султанѣ Селимѣ II, покорили Палестину, и въ Іерусалимѣ былъ назначенъ новый градоначальникъ или санджакъ. Въ этотъ злополучный годъ, иноки св. лавры вмѣстѣ съ монахами изъ окрестныхъ киновій, около тысячи человекъ, по восточному обычаю, пришли съ дарами на поклонъ новому санджаку. Увидѣвши такое большое количество людей, въ одинаковой черной одеждѣ, и узнавши, что это христіанскіе пустынники, онъ призналъ такое множество монаховъ не безопаснымъ для себя, а потому, отобравши изъ нихъ двадцать человекъ, которыхъ отослалъ въ лавру, остальныхъ приказалъ сейчасъ же умертвить. Лавра долго не могла оправиться отъ погрома. Она пришла въ такой упадокъ, что оставалась въ цѣлости одна только церковь; келліи же и стѣны, пришедшія въ ветхость отъ времени и отъ разграбленія, грозили паденіемъ. Лавра

съ 1604 г. перешла во владѣніе исключительно монаховъ-сербовъ, которые сдѣлали различныя поправки въ лаврѣ; но вслѣдствіе этого они впали въ неоплатные долги и должны были оставить все до одного святою обитель. Ихъ безысходнымъ положеніемъ воспользовались армяне, старавшіеся захватить этотъ монастырь въ свои руки, обѣщаясь заплатить займодавцамъ все долги обители. Тогда католики, не желая упустить изъ рукъ эту богатую добычу, рѣшились вступить съ армянами въ сдѣлку посредствомъ обмѣна лавры на принадлежавшую католикамъ Іерусалимскую обитель архангеловъ. Но патріархъ Іерусалимскій Теофанъ вырвалъ лавру изъ рукъ иновѣрцевъ при посредствѣ выпрошенной имъ у молдавскаго господаря значительной суммы денегъ, необходимой для уплаты должникамъ. Наконецъ принялись за поправку зданій монастыря. Патріархъ Іерусалимскій Нектарій, въ 1667 году, предпринялъ возстановленіе лавры; онъ построилъ вѣншую стѣну отъ башни Юстиніана внизъ до воротъ обители и, кромѣ того, страннопримную для богомольцевъ. Окончательное же возстановленіе лавры совершено патріархомъ Досифеемъ, который, въ 1686 году, неимовѣрными усиліями успѣлъ выхлопотать на это дозволеніе предержавшей власти.

И теперь лавра иногда терпитъ нападенія отъ бедуиновъ, но далеко не такъ, какъ прежде. Благотворители до сихъ поръ не оставляютъ этой святой обители, украшая ея храмы и поддерживая древнія зданія. Монахи какъ тогда, такъ и теперь не блещутъ образованіемъ, проводя свои дни въ церковныхъ службахъ и тѣлесныхъ трудахъ, Да они и не нуждаются въ многоразличныхъ знаніяхъ: молитва и дѣла благочестія—вотъ главная сфера ихъ нравственной дѣятельности. Мирно живутъ они подъ охраной великаго основателя лавры Саввы Освященнаго, вознося свои молитвы къ Богу и съ нетерпѣніемъ ожидая того момента, когда душа ихъ, совлеки свою земную оболочку, отлетитъ отъ земли на небо. Съ благоговѣніемъ вспоминали мы объ извѣстныхъ намъ отшельникахъ, населявшихъ это пустынное мѣсто: о Стефанѣ чудотворцѣ, племянникѣ Дамаскина, о св. Іоаннѣ Савантѣ, о Кириллѣ Скинопольскомъ, о пѣнопѣвцѣ Козьмѣ, и о многихъ другихъ.

Наше размышленіе было прервано кавасомъ, пришед-

шимъ доложить намъ, что уже три часа и что пора собираться, иначе намъ придется ѣхать въ сумеркахъ и даже въ полутьмѣ, что, въ виду кочующихъ бедуиновъ, далеко не безопасно. Поблагодаривъ радушныхъ монаховъ за гостепрѣимство, мы вышли изъ желѣзныхъ вратъ монастыря. Архимандритъ Анѳимъ съ братіей весьма сожалѣли, что ихъ обитель не осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ нашъ Пресвященный ректоръ. Они намѣревались было приготовить ему пріемъ, достойный его святительскаго сана. Вообще, въ лавру св. Саввы рѣдко заѣзжаютъ даже сами греческіе епископы. Только два дня въ году, въ день памяти св. Саввы Освященнаго, 5-го декабря, и въ день святит. Николая, 6-го декабря, храмы святой обители оглашаются торжественными звуками архіерейскаго служенія.

Монахи насъ удерживали до 4 ч. дня, когда у нихъ начиналась вечерня, но за позднимъ временемъ, мы, къ сожалѣнію, не могли долѣе оставаться. Ровно въ 3 ч. дня мы сѣли на ословъ и отправились въ Іерусалимъ, но только по другой дорогѣ, имѣя намѣреніе заѣхать въ бывшій монастырь св. Θεодосія, друга и сподвижника Саввы Освященнаго. Разстоянія отъ лавры— 1½ ч. пути. При выѣздѣ изъ послѣднихъ воротъ, мы увидѣли, налѣво отъ башни Юстиніана, другую высокую и крѣпкую башню. Эта башня служитъ пристанищемъ для паломницъ, для которыхъ въ находящейся тамъ церкви монахи служатъ молебны св. угодникамъ этой святой обители. Надо сказать, что въ самую лавру женщины не допускаются по обѣту самого основателя, который не допустилъ сюда даже свою старую мать, пожелавшую жить вмѣстѣ съ своимъ любимымъ дѣтищемъ. Рядомъ съ этой башней находятся развалины иноческой школы, гдѣ готовившіеся принять монашество и навсегда поселиться въ св. лаврѣ выдерживали предварительный иноческій искусъ, приготавлиаясь къ подвижническому житію и занимаясь чтеніемъ св. книгъ, или же учась грамотѣ. Отъѣхавъ съ ½ часа пути отъ лавры, мы взглянули въ послѣдній разъ, чтобы запечатлѣть въ своей душѣ этотъ чудный видъ на св. обитель. Трудно вообразить себѣ болѣе замѣчательное мѣсто, какъ это уединенное жилище! Издали эта обитель, высящаяся надъ пропастью, съ своими стѣнами, башнями, особенно съ своей высокой Юстиніано-

вой башней, имѣющей сторожа на вышкѣ, напоминаетъ старинную крѣпость, сооруженную для защиты отъ враговъ и населенную храбрыми воинами. Дѣйствительно, это—крѣпость, охраняющая отъ враговъ вѣру православную; но населена она не храбрыми воинами, а мирными и смиренными иноками, защищающими истинное православіе не силою меча и оружія, а силою настоящей молитвы и могуществомъ Всечестнаго Креста. Никогда не изгладится изъ нашей памяти эта знаменитая лавра съ своею ужасною бездною, къ которой весьма подходитъ названіе „огненнаго потока“ или „печальной юдоли“. Къ западу отъ монастыря видна очень высокая гора Ель-Монтарь, черная и голая, выдѣляющаяся своимъ отвѣснымъ скатомъ, идущимъ почти безъ перерыва. Есть мнѣніе, что на этой горѣ совершался нѣкогда ежегодно древне-еврейскій обрядъ „козла отпущенія“, именно: жертвеннаго козла приводили на этотъ холмъ, съ вершины котораго и сталкивали его, при чемъ животное, конечно, разбивалось на смерть объ отвѣсные утесы. Это дѣлалось въ виду того, чтобы козель отпущенія, прямо отпущенный въ пустыню, не возвратился обратно въ Іерусалимъ, что считалось дурнымъ признакомъ и предзнаменованіемъ какой-нибудь бѣды, имѣющей быть ниспосланною Іеговою Своему избранному народу. Вообще, всѣ горы на западъ отъ лавры очень высоки и своими остріями касаются облаковъ. Начиная отъ самой лавры, мы поднимаемся все выше и выше, ѣдемъ по направленію къ сѣверу и, наконецъ, достигаемъ высокаго холма, называемаго „горою Пресвятой Богородицы“. На этой горѣ нѣкогда подвизался св. Савва, и есть преданіе, что здѣсь ему явилась Пресвятая Дѣва, приказавъ ему поселиться въ одной изъ пещеръ въ печальной юдоли. Близъ этого холма находятся развалины монастыря аввы Пассаріона. Отсюда открывается горизонтъ на большое разстояніе. Мы видимъ Іорданъ и Мертвое море съ ихъ окрестностями. Ярко сіяющее солнце глядитъ въ воды священной рѣки, которая, при солнечномъ освѣщеніи, издали кажется длинной извивающейся лентой, отливающей различными цвѣтами. Намъ видно, какъ эта извилистая лента соединяется съ узкимъ и длиннымъ, сдавленнымъ высокими, голыми горами, водоемомъ съ зеркальной поверхностью, т. е. съ Мертвымъ моремъ. Солнце го-

рить надъ нимъ, зажигая его золотыми искрами. Кажется издали, что прозрачная вода этого моря вспыхиваетъ, блестя, ярко горитъ подъ отвѣсными ослѣпительными лучами солнца, представляя волшебную картину природы. Надъ нимъ разстилается легкій прозрачный туманъ, подобно волшебной дымкѣ, закрывающей отъ насъ дальнюю перспективу. Невольный страхъ охватываетъ насъ при видѣ этого страшнаго моря, замѣнившаго своею гладкою поверхностью стоявшіе нѣкогда на этомъ мѣстѣ цвѣтушіе города. Поднимаясь все выше и выше къ сѣверо-востоку и часто оглядываясь, чтобы полюбоваться дивною панорамой этого моря, мы, наконецъ, взобрались на крутую гору, названную „кастеллійской горой“, такъ какъ, по преданію, на ней нѣкогда Иродъ, царь іудейскій, построилъ для защиты отъ враговъ крѣпость или кастеллюмъ, разрушенную затѣмъ римлянами во время войнъ ихъ съ евреями. Св. Савва на этихъ развалинахъ соорудилъ нѣсколько келлій для самыхъ добродѣтельныхъ иноковъ, образовавъ, такимъ образомъ, киновію, куда онъ иногда уходилъ спасаться и самъ, живя въ то же время въ основанной имъ лаврѣ. Подъ развалинами онъ нашелъ прекрасную храмину, которую, очистивъ отъ мусора и украсивъ, передѣлалъ на церковь. Есть преданіе, что на этой горѣ гнѣздились бѣсы, устрашавшіе многихъ приходившихъ туда отшельниковъ. Но св. Савва, прежде чѣмъ сдѣлать ее обитаемой, прогналъ бѣсовъ, окропивши ее со всѣхъ сторонъ елеемъ, взятымъ отъ св. Креста, и оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, какъ неприступною стѣною, не допускавшею до него несконныхъ враговъ Господа. Затѣмъ эта киновія была разрушена Хозроемъ, и теперь это мѣсто представляетъ однѣ развалины. Старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ и вообще камней, которые наименовали бы о древности сооруженія, здѣсь не видно. По всей вѣроятности, эти старые камни и были унесены въ самую лавру для постройки. Здѣсь, въ бывшихъ усыпальницахъ, находящихся въ пещерахъ, находятъ кости мучениковъ, убитыхъ врагами христіанской вѣры. Легенда говоритъ, что поклонники унесли эти кости съ собою, но черезъ нѣсколько времени онѣ опять возвращались въ родную усыпальницу. Эта кастеллійская гора изобилуетъ множествомъ пещеръ и цистернъ. Все показываетъ, что здѣсь нѣкогда была жизнь. Восточный

видъ горы весьма скалистъ, неприступенъ и непроходимъ, но съ южной стороны она поката, и весь склонъ ея въ этомъ мѣстѣ выровненъ. Западная и сѣверная стороны горы весьма отвѣсны и почти обрывисты, но не скалисты и не высоки.

Наконецъ, въ началѣ шестого часа вечера, мы достигли до мѣста подвиговъ св. Θεодосія. Монастырь этого Святаго былъ расположенъ на высокомъ холмѣ; теперь здѣсь однѣ развалины, огражденныя стѣною. Намъ пришлось объѣзжать кругомъ ограды, чтобы попасть въ ворота бывшаго монастыря. Громадная собака, готовая растерзать непрошенныхъ гостей, съ громкимъ лаемъ бросилась на насъ. Появился монахъ, который, предложивъ намъ оставить ословъ у воротъ бывшей киновіи, повелъ насъ черезъ дворъ въ пріемную комнату для гостей, въ азіатскомъ вкусѣ, съ турецкими диванами по стѣнамъ. Насъ угостили, по восточному обычаю, холодною водою съ изюмомъ, затѣмъ повели осматривать достопримѣчательности. Ихъ немного, и осмотръ былъ непродолжителенъ. Весь дворъ загроможденъ большими камнями, привезенными сюда для постройки какихъ-то зданій. Присутствіе здѣсь этихъ камней намъ объяснили тѣмъ, что греки намѣревались возобновить древнюю киновію, начавъ строить церковь на мѣстѣ прежнихъ развалинъ, но, за неимѣніемъ средствъ, работа пріостановлена. Съ полною достовѣрностію говорятъ, что именно на этомъ мѣстѣ стоялъ многолюдный прежде монастырь св. Θεодосія, разрушенный Персами. Этотъ монастырь былъ основанъ около той пещеры, въ которой, по преданію, ночевали волхвы, возвращаясь изъ Вифлеема послѣ поклоненія рожденному Спасителю „инымъ путемъ въ страну свою“, т. е. не черезъ Іерусалимъ. Въ этой пещерѣ и жилъ сначала, до постройки монастыря, св. Θεодосій, который обрѣлъ мѣсто для монастыря, по наитію отъ Бога. Именно, разыскивая мѣсто для постройки обители, Святой наполнилъ имѣвшуюся у него въ рукахъ кадильницу холоднымъ углемъ съ еніамомъ. Когда онъ шелъ недалеко отъ святой пещеры, внезапно уголья въ кадильницѣ загорѣлись сами собой, и благоуханный дымъ воскурился изъ нея. Святой понялъ, что это мѣсто избрано Богомъ для постройки монастыря, и онъ безпрекословно выполнилъ велѣніе Божіе. Монастырь богатѣлъ и имѣлъ въ

стѣнахъ около тысячи человѣкъ братіи. Слава о немъ все возрастала. Но затѣмъ наступили для него години бѣдствій. Онъ испытывалъ частые погромы отъ арабовъ и турокъ, особенно въ первые годы IX столѣтія, когда онъ запустѣлъ совершенно. Затѣмъ совершилось обновленіе его въ XI вѣкѣ, одновременно съ обновленіемъ храма Воскресенія. Подобно лаврѣ св. Саввы, монастырь св. Θεодосія и послѣ этого часто былъ опустошаемъ и возобновляемъ, но въ концѣ XIV вѣка эта обитель одновременно съ Саввинскою лаврою запустѣла совершенно и уже болѣе не возставала изъ развалинъ.

Намъ очень хотѣлось посмотреть ту пещеру, гдѣ, по преданію, почевали волхвы. Въ настоящее время она очищена отъ мусора и приведена въ надлежащій видъ. Сопровождавшій насъ монахъ ввелъ насъ въ большую длинную пещеру, высѣченную въ скалѣ, довольно сухую, ибо въ нее проникаетъ свѣтъ и чистый воздухъ. Тамъ находится нѣсколько гробницъ погребенныхъ въ этой пещерѣ святыхъ, именно: гробница самого св. Θεодосія, его матери, Евлогіи, матери св. Саввы, Софїи, матери св. безребренниковъ Козьмы и Даміана, Θεодотіи и, наконецъ, гробница матери Ксенофонта. На стѣнкѣ этой пещеры нѣтъ никакихъ изображеній святыхъ и никакого креста. Все говоритъ за глубокую древность этой пещеры волхвовъ. Извѣстно также, что въ этой обители, можетъ быть, даже въ этой пещерѣ была погребена и св. Евфросинія, смиренная игуменья Полоцкаго дѣвичьяго монастыря, за 15 лѣтъ до завоеванія Іерусалима Саладиномъ, въ 1173 году. Впослѣдствіи св. мощи ея были перенесены въ Кіевъ, гдѣ и почиваютъ понынѣ въ кіевскихъ пещерахъ. Въ пещерѣ волхвовъ въ настоящее время дежурятъ монахи, читая псалтырь и служа панихиды по желанію паломниковъ, которые могутъ здѣсь записывать на вѣчное поминаніе имена своихъ близкихъ покойниковъ. Но кажется, что богомольцы рѣдко сюда заглядываютъ. Мы вышли изъ пещеры и остановились, чтобы полюбоваться открывающимся передъ нашими взорами восхитительнымъ видомъ. Передъ нами совершенно открытая мѣстность, видимая на большое разстояніе, окаймленная со всѣхъ сторонъ многочисленными холмами самыхъ разнообразныхъ причудливыхъ очертаній, и надъ всей этой громадой разстилается небесный куполь нѣжно-голубаго цвѣта, безукоризненной

чистоты, безъ малѣйшаго признака облачка. Заходящее солнце освѣщаетъ послѣдними своими лучами эту дикую, но въ то же время поэтичную пустыню. Но однако, надо спѣшить. Уже шесть часовъ вечера. Мы быстро садимся на ослевъ, наскоро прощаемся съ удивленными нашею поспѣшностью монахами и выѣзжаемъ изъ воротъ возобновляемаго монастыря, чтобы засвѣтло добраться до Іерусалима и не блуждать въ вечернемъ полумракѣ въ незнакомыхъ окрестностяхъ города. Болѣе получаса ѣхали мы по каменистой мѣстности, поднимаясь на холмы и затѣмъ опять опускаясь въ овраги. При подъемѣ на болѣе или менѣе отвѣсныя холмики, мы съ трудомъ держались на осликахъ, подвергаясь опасности скатиться съ маленькихъ животныхъ. Окидывая взоромъ эту необозримую холмистую равнину, перерѣзанную по разнымъ направленіямъ оврагами, мы замѣчаемъ вдали много черныхъ точекъ. При приближеніи къ послѣднимъ, оказывается, что это—палатки кочующихъ бедуиновъ, покрытыя сверху и съ боковъ овечьими кожами, почернѣвшими отъ времени. Непріятно встрѣтиться ночью съ этими кочевниками, внушающими страхъ всѣмъ проходящимъ своимъ страшнымъ видомъ и горящими огненнымъ блескомъ черными глазами. Эта неприятность и могла бы случиться съ нами, если бы мы пробыли лишній часъ въ гостепріимной обители св. Саввы.

Наконецъ, мы спускаемся въ глубокое ущелье, окаймленное съ обѣихъ сторонъ крутыми утесами, спускъ съ которыхъ на дно этого глубокаго рва сопряженъ съ опасностью перескочить черезъ голову осла и низринуться на каменное дно ущелья. Но привычныя животныя осторожно и съ необычайною аккуратностью, медленно передвигая ноги, спустились съ утеса, и мы свободно вздохнули, увидѣвъ себя безопасными на ровной тропинкѣ на днѣ глубокаго оврага между отвѣсными скалами. По руслу этого оврага намъ встрѣчается какой-то тощій кустарникъ, иногда попадаются тощія масличныя деревья съ чахлыми листьями. Вдругъ, лошадь каваса шарахнулась въ сторону, и наши ослы насто-рожили уши. Оказалось, что довольно большой камень упалъ сверху въ самую средину нашей кавалькады. Поднявъ голову, мы увидѣли на самомъ верху, на самой окраинѣ оврага, толпу арабовъ, кидавшихъ въ насъ камни и старав-

шихся попасть въ цѣль, но неудачно. Живо пришпоривъ своихъ ословъ, мы поскакали, какъ только возможно, быстрѣе, не желая быть жертвою восточныхъ дикарей. Попытка забросать насъ камнями повторилась и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ущелье было глубоко и широко, и камни, поэтому, не долетали до насъ. Долго мы ѣхали по этому ущелью, такъ что насъ начала одолѣвать скука и явилось даже опасеніе, не заблудились ли мы въ этомъ обширномъ оврагѣ, въ виду быстрой наступающей ночи, тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось, нашъ Христо не зналъ этой дороги и ѣхалъ наугадъ, повинуваясь инстинкту своей лошади.

Быль уже восьмой часъ вечера. Масличныя деревья намъ стали попадаться все чаще и чаще. Все длиннѣе и длиннѣе становились тѣни деревьевъ. Солнце уже зашло. Мы предчувствуемъ скорое приближеніе ночи, которая на востокъ быстро наступаетъ послѣ солнечнаго заката. Съ востока уже надвигается тьма. На потемнѣвшемъ небѣ уже робко загорается блѣдная, дрожащая вечерняя звѣздочка. Но вотъ, высокіе утесы, окаймляющіе ущелье, стали понижаться, и мы очутились въ долинѣ, называемой долиной Еннома, и передъ нашими взорами показалась гора Елеонская съ находящеюся на ней церковью и высокою колокольнею. Налѣво отъ насъ „Акелдама“—„село крови“, уцѣлѣвшая до сего дня. Она представляетъ собою пещерное кладбище, нависшее надъ угрюмой мрачной долиной Еннома, долиной печали и слезъ, ставшей символомъ ада кромѣшнаго. Здѣсь всюду господствуетъ смерть, отовсюду вѣетъ ея дыханіемъ. Съ незапамятныхъ временъ, эта долина наводила на людей страхъ и трепетъ. Долина Еннома нѣкогда оглашалась воплями дѣтей и раздирающими столами матерей, у которыхъ отнимали ихъ чадъ, чтобы принести ихъ въ жертву страшному идолу Молоху, воздвигнутому при царяхъ Ахазѣ, Манассіи и Амонѣ. Дѣтей клали на раскаленные распростертыя руки бронзоваго бога, и они умирали въ трескѣ костра, расположеннаго позади этого идола, умирали при звукахъ трубъ и тамбуриновъ, при изступленныхъ пѣсняхъ жрецовъ, при безумныхъ крикахъ жрицъ, плясавшихъ вокругъ кровожаднаго бога, не знающаго милосердія. Звукъ этихъ безумныхъ оргій въ честь Молоха смѣшивались съ нечеловѣческими, неистовыми криками умиравшихъ жерт-

венныхъ младенцевъ и съ дикими, раздирающими душу воплями ихъ несчастныхъ родителей, которые, полные горя и отчаянія по своимъ умершимъ дѣтямъ, съ проклятіемъ бросались сверху этой долины прямо внизъ, чтобы не пережить своихъ, часто единственныхъ, малютокъ. „Село крови“ избрало себѣ соответствующее мѣсто. Оно представляетъ собою обширную пещеру, въ которой находится много отдѣльныхъ гробовыхъ помѣщеній, въ видѣ каменныхъ ложъ съ нишами. Это, по преданію, и есть та „земля горшечника“, которая была куплена за тридцать сребренниковъ, брошенныхъ раскаявшимся Іудой къ ногамъ первосвященниковъ.

Невольно вспоминая исторію покупки этого села, а также приводя себѣ на мысль все ужасы, соединенные съ долиною Еннома, мы спѣшимъ скорѣе удалиться изъ этого жилища смерти.

Скоро мы достигли улицъ Іерусалима, и въ девятомъ часу вечера прибыли въ занимаемая нами русскія постройки, хотя и уставшіе, но довольные полученными нами дневными впечатлѣніями.

2-е Іюля. Воскресенье. Въ Крестномъ монастырѣ. На актѣ въ греческой семинаріи. Послѣдній обзоръ Іерусалима. Царскія гробницы. Пещера пр. Іереми. Приготовленіе къ отъѣзду въ Назаретъ.

Въ 8 часовъ утра мы отправились въ Крестный монастырь, гдѣ находится единственная въ Палестинѣ греческая духовная семинарія. Въ этой семинаріи на сегодняшній день былъ назначенъ торжественный актъ по случаю окончанія выпускныхъ экзаменовъ въ семинаріи. На него Преосвященный съ своими спутниками уже давно получилъ приглашеніе отъ Іерусалимскаго патріарха.

Крестный монастырь находится на разстояніи $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ часа ѣзды отъ Іерусалима. Онъ называется такъ потому, что основанъ, по преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ росло то дерево, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ Спасителя. Въ лѣвомъ придѣлѣ храма Крестнаго монастыря до сихъ поръ показываютъ въ полу, въ серебряномъ кругѣ, отверстіе, къ которому благоговѣнно прикладываются паломники, какъ къ мѣсту, гдѣ росло Животворящее Древо.

Вскорѣ послѣ нашего прїѣзда въ Крестный монастырь тамъ началась торжественная литургія. Литургію совершала самъ Патріархъ при участіи многочисленнаго духовенства и восьми діаконовъ, питомцевъ школы. Пѣли семинаристы, и пѣли довольно стройно, хотя и не особенно привычно для нашего „русскаго“ уха. Апостоль и Евангеліе были прочитаны на трехъ языкахъ: греческомъ, славянскомъ и арабскомъ. По окончаніи литургіи, антидоръ раздавалъ самъ Патріархъ всѣмъ присутствующимъ при богослуженіи, среди которыхъ было много лицъ изъ высшаго іерусалимскаго общества.

Актъ начался не сразу по окончаніи богослуженія. Сначала насъ пригласили въ архондарикъ семинаріи, гдѣ собрались: Патріархъ, митрополиты, русскій и греческій консула въ Іерусалимѣ и нѣсколько другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Изъ архондарика, послѣ обычнаго восточнаго угощенія глико и кофе, снова всѣ отправились въ церковь, гдѣ и состоялся актъ. Онъ начался молебномъ, который совершилъ Патріархъ. Послѣ молебна былъ прочитанъ Отчетъ о состояніи Семинаріи въ истекшемъ (1899—90 году). Изъ Отчета видно, что этотъ годъ школы—седьмой, по возстановленіи ея въ 1893 году. Основанная въ 1853-мъ году патріархомъ Кирилломъ Вторымъ, она то закрывалась, то открывалась, въ зависимости отъ матеріальнаго состоянія Іерусалимской патріархіи. Послѣдній разъ школа вновь была открыта 9-го сентября, 1893 года, при патр. Герасимѣ Второмъ. Она содержится на средства Іерусалимской патріархіи, отъ имени которой матеріально-экономическимъ бытомъ школы завѣдуетъ скевофилаксъ Св. Гроба, архим. Евѣимій. Ректоромъ школы съ 24-го января, 1900-го года, состоитъ грекъ, іеродіаконъ Хрисостомъ Ипадопуло, окончившій курсъ Петербургской Духовной Академіи. Попечителемъ же школы или почетнымъ схолархомъ—архіепископъ Іорданскій Епифаній. Въ отчетномъ году въ школѣ обучалось 58 воспитанниковъ. Окончило курсъ 11 человекъ (8 изъ нихъ въ санѣ діакона).

Въ продолженіе учебнаго года ученики школы занимались прохожденіемъ разныхъ общеобразовательныхъ и богословскихъ курсовъ, по установленнымъ программамъ. Курсъ школы—семилѣтній. Программы предметовъ очень обширны и разнообразны. Задача школы, какъ видно, состоитъ въ

томъ, чтобы готовить разносторонне образованныхъ кандидатовъ священства, почему, наряду съ богословскими науками, очень много удѣляется мѣста и свѣтскимъ. Отчетный годъ, какъ видно, былъ временемъ весьма усиленной и плодотворной дѣятельности учащихся и учащихъся, которые съ усердіемъ исполняли возложенныя на нихъ обязанности. Успѣху учебно-воспитательнаго дѣла школы много содѣйствовала новая программа преподаванія въ ней наукъ, окончательно выработанная лишь въ минувшемъ учебномъ году. Съ цѣлью расширенія умственнаго развитія учащихся, новою программой введено изученіе исторіи философіи и метафизики, а также ученикамъ даются письменныя работы философскаго характера, и при ихъ участіи устраиваются философскія бесѣды, по методу сократической. Выпускные кромѣ того представили нѣчто вродѣ кандидатскихъ работъ. Вотъ темы нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій, написанныхъ воспитанниками послѣдняго выпуска и выставленныхъ для обзоренія публики на столѣ: „Ученіе христіанства о началѣ зла“, „О возможности, и необходимости молитвы“, „Вѣчность мученій“, „Вопросъ о трехчастномъ составѣ іерархіи“, „Недѣйствительность флорентійской уніи“, „Обличеніе ученія о главенствѣ папы“, „Ученіе о Божествѣ Іисуса Христа“, „Правильныя отношенія между церковью и государствомъ“. Отчетъ отмѣчаетъ большое образовательное вліяніе на учениковъ школы преподаваемыхъ въ ней богословскихъ наукъ, программы которыхъ стоятъ на ряду съ программами по тѣмъ же предметамъ Халкинскаго богословскаго училища и богословскаго факультета университета въ Афинахъ. Преподавателями школы состоятъ по преимуществу воспитанники—греки, обучавшіеся въ русскихъ Академіяхъ. Изъ Московской Академіи, между прочими, есть два преподавателя. Воспитаніе учениковъ ведется въ духѣ православія и церковности.

По прочтеніи секретаремъ Отчета, почетный схолярхъ школы, архіепископъ Іорданскій Епифаній, обратился къ окончившимъ воспитанникамъ съ привѣтственною рѣчью. Затѣмъ началась раздача воспитанникамъ дипломовъ. Въ порядкѣ разряда, по вызову Ректора, подходили они къ архіен. Епифанію, который, вручая каждому дипломъ, произноситъ слѣдующее: „Богословская школа выдаетъ тебѣ чрезъ меня это

свидѣтельство, какъ награду за твое трудолюбіе и доброе поведеніе во все время ученія; ты же постарайся показать себя достойнымъ служителемъ Церкви и вѣрно сохраняй то, что здѣсь воспринялъ и чему научился“. Каждый изъ воспитанниковъ, получая дипломъ, произносилъ слѣдующую присягу, подписывая ее потомъ на особомъ листѣ: „Такъ какъ священная для меня богословская школа удостоила меня избрать въ разрядъ дидаскаловъ православнаго христіанскаго богословія, то я, считая себя обязаннымъ блаженнѣйшему отцу Даміану и остальному почтенному Святогробскому братству, предъ тобою, честный отецъ, и предъ всѣми обучавшими меня преподавателями и предъ лицомъ Бога исповѣдую публично во всю жизнь хранить вѣру чистую и неповрежденную, какъ я получилъ и наученъ ей, и вѣрно служить Церкви, и мнѣ, во исполненіе этого обѣщанія, пусть будетъ въ жизни помощникомъ Богъ“. Чтеніе этой присяги производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, такъ какъ многіе изъ учениковъ читали ее сквозь душившія ихъ слезы, а нѣкоторые просто плакали навзрыдъ, при мысли о важности обѣтовъ, даваемыхъ ими, отвѣтственности и трудности предстоящаго имъ служенія, и при мысли о разлукѣ со школою. Получивъ свидѣтельство, каждый лобызалъ десницу блаженнѣйшаго Патріарха, почетнаго схоларха, всего честнаго собора и покровителя школы архим. Евѣимія. Послѣ выдачи свидѣтельствъ, обратился къ окончившимъ курсъ съ рѣчью патріархъ Даміанъ, выразившій свою радость по поводу ихъ успѣха въ наукахъ и окончанія ими курса и преподавшій имъ рядъ отеческихъ наставленій. Послѣ него произнесъ длинную рѣчь ректоръ школы іеродіаконъ Хрисостомъ Попадопуло, говорившій о характерѣ и трудности служенія Сіонской Церкви со стороны новыхъ ея дѣятелей, питомцевъ Іерусалимской школы. Рѣчь эта, прекрасная по содержанію и произнесенная съ ораторскимъ искусствомъ, выслушана была всѣми съ большимъ интересомъ, а у многихъ учениковъ вызвала обильныя слезы. Въ заключеніе торжества отъ лица окончившихъ ученіе воспитанниковъ произнесъ сквозь слезы благодарственное слово Патріарху и всему Святогробскому братству іеродіаконъ Климентъ, родомъ съ острова Кипра.

По окончаніи акта, всѣхъ присутствующихъ пригласили на обѣдъ, въ общую семинарскую столовую. Тутъ же присутствовали и окончившіе курсъ. Греческое духовенство за обѣдомъ во главѣ съ Патриархомъ ѣло мясную пищу; для Преосвященнаго же и сопровождавшаго его монашествующаго духовенства была приготовлена постная пища. Обѣдъ, какъ всегда восточные обѣды, былъ очень обилень и разнообразень, и прерывался многими рѣчами. Говорилъ Патриархъ, поздравившій воспитанниковъ и преподавателей Семинаріи съ окончаніемъ учебнаго года; ректоръ Семинаріи, благодарившій Патриарха и гостей, и другіе. Послѣ того, какъ за Преосвященнаго Арсенія былъ предложенъ тостъ, онъ сказалъ рѣчь, отмѣченную на другой день греческими, арабскими и турецкими газетами. Выразивъ чувства радости по поводу присутствія на торжествѣ школы и благодарность за гостепримство, Преосвященный указалъ на ту борьбу, которую дѣятели Сіонской Церкви, выходящіе, главнымъ образомъ, изъ стѣнъ школы Святаго Креста, должны постоянно вести съ многочисленными ея врагами. „Слезы, обильно лившіяся изъ глазъ окончившихъ курсъ,—говорилъ, между прочимъ, Преосвященный,—слезы ли это радости при представленіи предстоящихъ радостей и утѣхъ жизни, или слезы скорби при представленіи тѣхъ тяжелыхъ условій пастырскаго служенія, о которыхъ церковные дѣятели, трудящіеся въ благоденствующей Россіи, подъ скипетромъ православнаго Государя, и представленія не имѣютъ?!“... Въ заключеніе Преосвященный пожелалъ процвѣтанія этой школѣ, а окончившимъ курсъ—твердости, мужества и терпѣнія даже до смерти, если то потребно будетъ для дѣла Христова, въ непрестанномъ упованіи, что *претерпѣвый до конца, той снискъ будетъ*. Воодушевленная рѣчь Преосвященнаго вызвала всеобщее одобреніе и ему нѣсколько разъ пропѣто было многолѣтіе по русски и по гречески.

Съ рѣчами и тостами обѣдъ затянулся довольно долго. Послѣ обѣда гости начали разѣзжаться, а о. ректоръ семинаріи пригласилъ насъ познакомиться со школою. Школа помѣщается въ вѣковыхъ монастырскихъ зданіяхъ, совершенно не предназначавшихся для этой цѣли. Поэтому говорить о школьныхъ удобствахъ помѣщенія, можно только весь-

ма относительно. Можно только удивляться любви грековъ къ духовному просвѣщенію, ради котораго они мирятся со многими внѣшними неудобствами. Осмотрѣли мы и бібліотеку. Если ее нельзя назвать богатой книгами, то во всякомъ случаѣ она и не бѣдна. Тутъ есть и русскія книги. Изъ Отчета видно было, что въ истекшемъ напр. учебномъ году отъ Патріарха поступило 123 названія русскихъ книгъ различнаго содержанія. А по распоряженію нашего Святѣйшаго Синода бесплатно высылалось семь богословскихъ періодическихкихъ изданій. О. Хрисостомъ тутъ же попросилъ преосвященнаго Ректора высылать всѣ богословскія сочиненія, выходящія подъ цензурою Московской Академіи, равно какъ выслать и всѣ святоотеческія творенія, переведенныя и изданныя ею. Преосвященный съ готовностію обѣщалъ въ скоромъ времени исполнить просьбу. Въ истекшемъ году бібліотека приведена въ порядокъ, составлены каталоги и книги расположены по шкафамъ.

Затѣмъ мы пришли въ одну изъ комнатъ, занимаемую воспитанниками школы, которые всѣ собрались около насъ и предложили намъ отъ себя обычное угощеніе. Тогда Ник. Ѳед. Каптеревъ, обратившись къ окончившимъ курсъ воспитанникамъ школы, заявилъ, что онъ, какъ старый профессоръ, какъ учитель ихъ учителей (двое изъ учителей школы воспитанники Московской Духовной Академіи и ученики Н. Ѳ-ча), желаетъ сказать имъ нѣсколько словъ. „Вотъ Вы, молодые люди, говорилъ Н. Ѳ-чъ, закончили свое образованіе въ воспитавшей Васъ школѣ, и скоро вступите въ жизнь, занявъ въ ней то или другое общественное положеніе. Но, вѣроятно, если уже не всѣ, то большинство изъ Васъ, пожелали-бы продолжать Ваше образованіе въ какой-либо высшей школѣ. Это тѣмъ болѣе для Васъ необходимо, что Вамъ въ будущемъ придется постоянно жить и дѣйствовать среди инославныхъ представителей, нерѣдко очень сильныхъ своими научными занятіями и образованіемъ, опираясь на которыхъ, они стараются совращать православныхъ. Вамъ придется бороться съ ними, но Вы, какъ воспитанники только средней школы, научно будете вооружены слабѣе ихъ. Къ сожалѣнію, у православныхъ грековъ ни здѣсь— въ Іерусалимѣ, ни въ другихъ мѣстахъ нѣтъ своей высшей

богословской школы, нѣтъ греческой духовной Академіи. Конечно, нѣкоторые изъ Васъ высшее богословское образованіе могутъ получить, и дѣйствительно получаютъ, въ Духовныхъ Академіяхъ Россіи. Но вѣдь Россія далеко, не всякій изъ Васъ можетъ и захочетъ туда ѣхать, — въ русскія Духовныя Академіи попадаютъ изъ Васъ только очень рѣдкія единицы. Въ виду этого, православнымъ грекамъ необходимо имѣть свою собственную греческую высшую богословскую школу, свою греческую Духовную Академію. Нѣкогда,—въ концѣ XVII вѣка,—къ намъ, русскимъ, явились два ученыхъ грека—братья Лихуды, которые устроили въ Москвѣ Славяно-греко-латинскую Академію, сдѣлавшеюся потомъ разсадницею богословскаго образованія на Руси. Теперь Россія, обязанная грекамъ устройствомъ своей первой школы, душевно рада будетъ заплатить имъ свой старшій большой долгъ. Пусть окончившіе курсъ этой школы юноши ѣдутъ получать высшее православное богословское образованіе въ русскихъ православныхъ Духовныхъ Академіяхъ, и особенно въ Московской, какъ прямой продолжательницѣ той Академіи, которую основали въ Москвѣ ученые греки—братья Лихуды; и затѣмъ, пусть они возвращаются домой, но съ тѣмъ, чтобы уже трудиться и работать въ своей родной греческой православной Духовной Академіи, которая здѣсь будетъ основана. Я, поэтому, желаю всѣмъ Вамъ, чтобы каждый изъ Васъ, оставивъ воспитавшую Васъ школу и занявъ въ жизни то или другое положеніе, никогда однако не опускалъ бы изъ виду той мысли, что на немъ лежитъ нравственный долгъ всячески стараться объ устройствѣ высшей православной богословской школы—греческой Духовной Академіи, Академіи строго православной, которая бы служила прочною опорой православія на Востокѣ, разсадникомъ высшихъ богословскихъ знаній для всѣхъ его православныхъ народностей“. На эту рѣчь Н. Ѳ-ча отвѣтилъ одинъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ школы, сказавшій приблизительно слѣдующее: Вы-де, профессоръ, подслушали наши собственные мысли, выразили наши собственные горячія желанія, такъ какъ устройство высшей богословской греческой школы составляетъ нашу всегдашнюю завѣтную мечту, на осуществленіе которой мы готовы употребить все

свои силы и старанія, а потому съ особенною сердечною благодарностію мы принимаемъ, профессоръ, Вашъ прекрасный завѣтъ намъ и благодаримъ Васъ за Ваше вниманіе и расположеніе къ намъ.

Затѣмъ, сердечно простившись съ воспитанниками, преподавателями и начальствомъ школы, мы уѣхали въ Іерусалимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
